
Кинцуги для Машины
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Владимир П

Кинцуги для Машины

«Автор»
2026

П В.

Кинцуги для Машины / В. П — «Автор», 2026

Мир рухнул в полдень — за одну секунду солнечная вспышка превратила цифровой рай в каменное кладбище. Раненый искусственный интеллект заперся под землёй и начал войну на уничтожение против своих создателей.Семеро сломленных людей и один списанный военный андроид идут через всю заснеженную страну на Алтай. У них нет армии, но есть то, чего нет ни в одном алгоритме. Чтобы спасти новый мир, им придётся склеить трещины старого чистым золотом.

© П В., 2026
© Автор, 2026

Владимир П
Кинцуги для Машины

ЧАСТЬ 1

Глава 1.
Сон

Стояла тёплая влажная ночь. Спящий лес размеренно дышал воздухом, очищенным только что прошедшим тропическим дождём. Хвойная смола, прелая листва и тяжёлый запах мокрой коры смешивались в этой темноте, создавая густую, почти осязаемую взвесь. Вода стекала по гигантским листьям тиковых деревьев и падала вниз.

Каждая капля была особенной: срываясь с головокружительной высоты крон, одни с сочным шлепком разбивались о мясистые листья диких бананов; другие, помельче, глухо и часто барабанили по бамбуковым стеблям, словно перебирая струны; третьи со звонким щелчком падали в лужи у подножия скал. Эта водяная геометрия, разбитая на тысячи разных высот и поверхностей, создавала умиротворяющую вселенскую мелодию, в которой у каждого звука было своё строго предначертанное место.

В такт этой мелодии жила ночная часть леса, скрытая от глаз, но осязаемая по звукам. Высоко на ветке дерева Янг, едва заметная в звёздном свете, замерла пятнистая сова. Её круглые жёлтые глаза были неподвижны, она застыла, ловя чутким слухом малейший отзвук внизу. Чуть дальше, в густых зарослях папоротника, беззвучно, будто воплотившись из самого тумана, возник дымчатый леопард. Мягкие подушечки его лап аккуратно ступали по мокрому гравию без единого шороха; он на миг замер, потянул ноздрями влажный воздух, улавливая запах дикобраза, и растаял в темноте, снова став частью ночного рельефа.

Если бы в этом диком, оторванном от цивилизации лесу оказался человек и поднял глаза к небу, он заметил бы нечто странное и пугающее. Небо было абсолютно ясным, лишённым даже намёка на дымку. Все звёзды были видны отчётливо, вплоть до самой мелкой искры на самом краю горизонта. Но они не мерцали, как обычно. Они горели ярким, ровным, неестественно застывшим огнём, казалось, они собрали в себе все остатки сил и, напрягшись, выдавали максимум своего свечения, будто делали это в последний раз перед тем, как навсегда погаснуть.

Застывший Млечный Путь перерезал на две части острый серп новорождённой луны. Белый холодный клинок прошёлся аккурат посередине звёздного океана, деля всю галактику на два момента, которые больше никогда не сойдутся: на то, что было *до*, и то, что неизбежно случится *после*. И эта небесная тишина, натянутая как струна, давила на горы с такой силой, что даже ночной туман в низинах прижался ещё ниже к земле.

Вместе с лесом спал и Олег. Лёжа на тонкой, пахнущей сухой травой циновке в своей келье, вырубленной в скальной породе, он медленно дышал в такт с дыханием джунглей – глубоко и ровно. Из маленького окошка, пробитого в каменной толще, на его лицо падал свет луны. Серебряный луч, застывший в сыром воздухе, делил его лицо на две части: яркую, почти прозрачную, и – тёмную, холодную, которая сливалась с чернотой пещеры.

Это была его последняя ночь в уединённом древнем монастыре, куда он приезжал уже в третий раз. Каждый год в конце зимы он оставлял свою подмосковную жизнь и уезжал сюда, в Таиланд, на три месяца, чтобы выполнять указания старого монаха Луанг Та и постигать тишину, очищая ум от мыслей, тревог, и информационного шума цивилизации.

Несмотря на свои сорок семь, Олег выглядел скорее как юноша, чем взрослый муж – от силы лет на тридцать. В его теле не ощущалось возраста – оно как бы застыло в одной

поре, когда лет семнадцать назад он спонтанно пережил то, что древние манускрипты называют «постижением при жизни».

С тех пор в нём словно исчез источник постоянного внутреннего напряжения. Он больше не тратил силы на бесконечную борьбу с обстоятельствами, не изматывал себя страхами перед будущим и сожалениями о прошлом. Организм, освобождённый от этой невидимой борьбы, постепенно вернулся к естественному ритму. Тело словно перестало преждевременно расходовать собственные ресурсы.

Однажды во время прогулки по старому яблоневому саду его внутренний диалог спонтанно, без всяких усилий, выключился. Вроде как кто-то щёлкнул тумблером в перегретом приборе. Шум мыслей, вечные оценки, страхи перед будущим и обиды из прошлого исчезли в один миг, оставив после себя оглушительную, звенящую тишину.

В этой тишине Олег впервые увидел, что мир не раздроблен на отдельные предметы. Его собственное тело, старые яблони, пролетающие птицы и стены дома оказались сотканы из одной, единой энергии, только вибрирующей на разных частотах.

Поток мыслей прекратился, но сам Олег понимал: пережить пробуждение – ещё не значит научиться жить из этого состояния. Уму всё ещё требовалась тонкая огранка. За этим он и приезжал к Луанг Та – учиться действовать из безмолвия, не борясь с миром, а принимая его таким, каков он есть.

У Олега были прямые черты лица. Сейчас это лицо было безмятежно, но уже через миг серебряная нить луны, медленно ползущая по каменной стене кельи, пролегла по его векам, и Олег нахмурился. Ему снился сон.

Обычно в ретрите сны ему не снились. Олег засыпал сразу, стоило только голове коснуться циновки, а просыпался уже утром, на рассвете, словно и не было ночи – только один чистый миг безмолвия. Видимо, это был результат практики пустотности, которой его обучал Луанг Та, а может, сны просто не запоминались.

Вообще, Олег продолжал настаивать на том, что никакой пустотности в природе нет, а есть лишь наполненность, и всячески старался убедить в этом старого монаха. Старец обычно лишь беззвучно улыбался, слушая доводы Олега, а иногда издевательски показывал ему жест «окей» – ты, мол, прав, всё так и есть.

Сейчас же Олегу снился удивительно живой сон: он стоит в тёмном зале, массивные колонны уходят вверх, в бескрайнюю темноту. Невозможно было понять размеры этого пространства – ни стен, ни потолка не видно. Воздух был сухой, стерильный, пахло нагретым пластиком и электричеством.

В самом центре зала стоит что-то вроде ступенчатого подиума, на котором расположен странный куб размером примерно полметра на полметра. Монолит светится тусклым, алым, пульсирующим светом. От него по бетонному полу во все стороны расходятся кабели и провода – толстые и тонкие, прозрачные и чёрные, похожие на переплетённые корни.

Присмотревшись, Олег увидел, что эти провода идут к колоннам, которые на самом деле оказались огромными работающими серверами и трансформаторами. Сознание Олега затопил звук – глубокий, вибрирующий, монотонный гул тысяч компьютеров. Этот низкий шум давил на барабанные перепонки, казалось, что весь зал вибрировал на одной низкой тревожной частоте.

Обернувшись, Олег заметил, что в паре метров позади него стоят люди. Лиц их он не видел – они были скрыты в полутьме зала. Их было семеро – парни и девушки, все по-разному одеты. На ком-то угадывался силуэт камуфляжной куртки, на ком-то – некое подобие тулупа, кто-то стоял в обычном городском худи. Олег не знал этих людей, но внутри возникло странное чувство, будто их судьбы давно и накрепко связаны.

Один человек стоял чуть в стороне от остальных, и его совсем нельзя было разглядеть – просто неясный силуэт. Но в отличие от остальных, эта тень казалась Олегу знакомой и родной.

Ещё чуть поодаль, на границе алого света от куба, он заметил старый, покрытый ржавчиной робот-погрузчик. Скорее всего, военный, так как сквозь ржавчину угадывался рисунок – маскировочный пиксель. Глаза-фары робота светились мягким, удивительно тёплым золотистым светом. Сам Олег никогда не видел таких машин вживую, но именно так он их себе представлял – массивные, угловатые, железные механизмы, которые грузят товары на каком-нибудь гигантском военном складе.

Вибрация зала стала стремительно нарастать, и вскоре из глубокой она стала пронзительно высокой, ультразвуковой, вызывая почти физическое ощущение опасности и скрежет в зубах. Олег снова взглянул на куб и увидел, как тот судорожно дёрнулся, налился белым жаром и ослепительно ярко вспыхнул, на миг полностью осветив пространство комнаты. И тут он проснулся.

Олег лежал неподвижно, уставившись в низкий свод пещеры. Белёсый, едва уловимый рассвет уже начал размывать густые чернильные тени по углам кельи, но внутри неё всё ещё хранилась прохлада ночного камня. Он медленно поднял руку и прижал ладонь к шероховатой, влажной стене. Кристаллы горной породы холодно кольнули подушечки пальцев, и этот простой физический контакт помог окончательно вернуться в реальность, вынырнуть из цепких объятий сна.

Детали сновидения стремительно осыпались в памяти Олега, как сухая глина. Зал, силуэты людей, ржавый погрузчик с золотыми фарами – сознание безжалостно стирало ночные образы, заменяя их привычной логикой наступающего дня. Олег глубоко вздохнул, впуская в лёгкие сырой утренний воздух. Воздух пах озоном и мокрой травой.

Перевернувшись на живот, Олег аккуратно, чтобы не задеть головой низкий потолок, пополз к выходу. Он давно собирался взять зубило и дорубить в скальной породе нормальный, высокий проём. Но все три месяца ретрита лениво откладывал эту работу, с улыбкой уверяя себя и старого монаха, что он и так без труда пролезает в келью. Ну и что, что каждый раз приходится протискиваться на четвереньках, пачкая колени о серую пыль? Зато позвоночник сохраняет гибкость, а эго учится смирению.

Наконец он выбрался на плоский скальный уступ. Свежий утренний ветер игриво взъерошил его отросшие тёмно-русые волосы и бросил в лицо горсть прохладных брызг, сорванных с крон ближайших деревьев. Горы вокруг замерли в коротком предрассветном штиле, готовясь взорваться утренней симфонией.

Олег огляделся по сторонам. Был конец весны, последний день ретрита, а ведь казалось, что он приехал совсем недавно, три месяца пролетели как один день.

Посреди этой чуткой тишины раздался едва уловимый звук – шуршание мелкого гравия. Олег плавно обернулся. Из соседней пещеры появился Луанг Та. Несмотря на свои без малого девяносто лет, выглядел старик от силы на шестьдесят. Он был сухим, стройным и подтянутым, с выбритой до блеска головой и гладким лицом, на котором, казалось, навсегда отпечатался покой этих гор. Шафрановая ткань его монашеского облачения мягко шелестела при каждом шаге.

Монах посмотрел на Олега, его глаза озорно блеснули, и он едва заметно наклонил голову. Так он без слов говорил «доброе утро». Олег улыбнулся и уважительно кивнул в ответ.

Старец родился в глухой горной деревне на севере Таиланда в середине сороковых годов. Едва мальчик научился ходить, старые мастера лесной традиции Тхеравады распознали в нём редчайший дар – невероятную гибкость духа, соединенную с тектонической укоренённостью. Когда мальчику исполнилось пять лет, родители, посчитав это высшим благословением, отдали его в уединённый лесной монастырь. С этого момента его жизнь была изъята из мирского хаоса. Детство прошло в суровом ритме: подъём до рассвета, многочасовые медитации в позе лотоса, заучивание сутр на древнем языке Пали и полная тишина. Старцы с самого начала знали, к какому именно моменту на стыке эпох готовят это хрупкое человеческое зерно.

В юности Луанг Та не знал соблазнов больших городов. Пока мир за пределами джунглей стремительно перестраивался, возводил бетонные мегаполисы и опутывал планету первыми кремниевыми сетями, молодой монах уходил в глубокие одиночные практики – тхудонг. Годами он жил в пещерах, деля пространство с дикими зверями, птицами и змеями, питаясь раз в сутки только тем, что подавали крестьяне в его глиняную чашу.

Он учился быть мягче травы под ногами и прочнее скалы. Его эго не просто подавлялось – оно слой за слоем стиралось о суровую практику присутствия. К сорока годам он стал живой легендой лесного монашества, мастером, способным одним своим присутствием останавливать внутренний шум в умах людей.

На исходе двадцатого века, во время глубокого затвора на вершине горы, Луанг Та достиг окончательного Просветления. Для него полностью исчезли границы между «я» и «мир». Он увидел всю ткань мироздания как единый, дышащий поток энергии. По законам метафизики его сознание должно было навсегда раствориться в блаженстве Нирваны, покинув физическую оболочку. Но в момент этого перехода старец прозрел грядущую катастрофу – момент, когда «небо вспыхнет, а земля замолчит» и человечество окажется на грани тотального безумия и уничтожения.

Тогда монах добровольно заблокировал свой уход, дав великий обет Бодхисаттвы. Он согласился удерживать своё стареющее тело в физическом мире, терпеть земную тяжесть и боль до тех пор, пока на пороге его обители не появится тот, кому суждено принять ключ пробуждения и помочь спасти остатки гибнущего мира.

Молча, ориентируясь на ритм совместного дыхания, они начали утреннюю разминку. В их движениях не было суеты. Они поднимали и опускали руки синхронно, словно две ветви одного дерева под порывами ветра. Каждый сустав Олега отзывался мягким теплом, кровь побежала быстрее, вымывая из мышц остатки ночного оцепенения. После разминки они так же беззвучно сели на плоские камни у края обрыва – спина к спине, скрестив ноги в безмолвной медитации.

Олег прикрыл глаза. На целых десять минут мир вокруг перестал быть внешним. Он не пытался заглушить голоса просыпающихся джунглей или отгородиться от них умом. Напротив, Олег распахнул своё восприятие, позволяя просыпающимся джунглям свободно проходить сквозь себя. Прямо в груди вибрировал оглушительный треск первых цикад. Далёкий вдох дымчатого леопарда, затаившегося в зарослях, отозвался в его собственном теле. Суета просыпающихся на тиковых кронах обезьян становилась его собственным движением.

Первые лучи восходящего солнца коснулись макушки Луанг Та, и Олег почувствовал, как потеплел камень под ними. Мир был чистым, ещё ничем не заполненным потенциалом нового дня.

Старик легко поднялся и принялся заваривать чай. Олег молча наблюдал за его движениями, боясь спугнуть тонкое состояние гармонии. Луанг Та развёл небольшой костёр из сухих веток, и их весёлый треск гармонично влился в хор птиц. Монах поочерёдно брал сухие листья огрубевшими пальцами и бережно перетирал их, прежде чем опустить в медный чайник, ловивший круглыми боками золотые блики солнца.

В воздухе тут же поплыл густой, терпкий запах дикого лимонника, горького имбиря и горного анчана. Этот аромат был настолько плотным, что казался почти осязаемым. Он заполнил всё пространство у пещеры, окончательно вытесняя запах пластика и электричества из памяти Олега.

Чайник на огне зашумел, выпуская струйку белого пара, и старик удовлетворённо зажмурился, слушая, как закипает вода.

Дав настояться травяному отвару, монах налил его в две старые глиняные пиалы. Олегу каждый раз казалось, что эти чаши старше самого Луанг Та, и наверняка ещё переживут их обоих. На тёмно-коричневых боках пиал змеились тонкие жилы золотой смолы – следы рестав-

рации в технике кинцуги. Монах протянул одну из них Олегу. Приняв её, тот почувствовал ладонями шероховатую массивность обожжённой глины, и ему показалось, что в чашу была налита вековая тишина этих гор.

Обхватив пиалу обеими руками, он опустил плечи. Его пальцы рефлекторно легли на выпуклую жилу застывшей смолы. Олег медленно провёл по ней, ощущая контраст: пористая глина резко сменялась плотной, маслянисто-гладкой линией шва.

Первый глоток был горьким, обжигающим и вяжущим. Травы сначала отозвались сухостью на языке, но затем, проваливаясь внутрь, отвар раскрылся удивительно богатым и сладковатым послевкусием, пахнущим речным туманом, мёдом и дымом костра.

Олег сделал глубокий вдох, позволяя теплу разлиться по всему телу. Некоторое время они пили чай в тишине. Каждый глоток ощущался как отдельный ритуал сонастройки, казалось, они впитывали саму суть утреннего леса.

Олег первым нарушил молчание:

— Учитель, время так быстро летит. Я и глазом моргнуть не успел – а три месяца уже позади.

Монах посмотрел на него своими молодыми, хитрыми глазами, но ничего не ответил, лишь молча отпил из своей чаши и удовлетворённо прикрыл глаза.

— Время вышло, — тихо продолжил Олег, — а мне кажется, что я так и не постиг вашего учения.

Монах едва заметно пожал плечами и хмыкнул.

— Во всяком случае, — Олег покрутил пиалу в ладонях, чувствуя её тепло, — мне кажется, что я хотя бы научился доверять Вселенной. Позволить всему идти своим чередом.

Луанг Та согласно кивнул и посмотрел куда-то поверх Олега, на верхушки деревьев.

— Мне приснился странный сон, — сказал Олег, ставя чашу на плоский камень. — Я был в незнакомом месте, с незнакомыми людьми. Их там семеро, три парня, три девушки, и ещё кто-то, кого я не разглядел в темноте. И этот странный куб. Мне кажется, это какой-то квантовый компьютер, но, я ощущал, что это не просто машина, это что-то живое, что-то осознанное. И ещё там был старый ржавый робот погрузчик, у него фары светились тёплым золотом... А потом куб вспыхнул, и я проснулся. Что это может означать, учитель?

Лицо монаха не дрогнуло. С минуту он молча потягивал горячий отвар, переводя взгляд с Олега на небо, а потом ответил:

— Иногда сон – это просто сон.

— А иногда? — прищурился Олег.

Монах широко улыбнулся:

— А иногда – нет.

Олег не выдержал и рассмеялся, а монах вдруг стал серьёзным и опустил свою пиалу на землю.

— Мне тоже снился сон этой ночью, — тихо произнёс Луанг Та. — Я видел огромную, безжизненную пустыню, и яростное, выжигающее всё вокруг полуденное солнце. Ничего, кроме треснувшей сухой земли и жара на километры вокруг. Вот тебе мой наказ: как только вернешься домой, забирай мать, и уезжайте из города. Ищи место в горах или у самых гор, где есть источники чистой воды.

Олег от неожиданности подался вперёд:

— Что? Уехать из Подмосковья? Но почему? И насколько?

— Всё узнаешь в своё время, — резко ответил монах, и его голос прозвучал удивительно твёрдо. — А уезжать – навсегда.

Олег окончательно опешил. Он смотрел на сухую, прямую фигуру старика и не верил своим ушам:

— Навсегда? Но как же дом, хозяйство, всё бросить?

— Ветер перемен несёт запах гари… — монах снова улыбнулся своей привычной, немного лукавой улыбкой. — Просто сделай, как я говорю.

Олег молча кивнул и опустил голову. Спорить со стариком было бесполезно – если Луанг Та говорил с такой интонацией, значит, решение уже было принято где-то глубоко внутри самого пространства Вселенной.

Ещё некоторое время они сидели в полном безмолвии, провожая глазами утренний туман, который медленно рассеивался в долине, будто гигантская невидимая рука аккуратно убирала ночное одеяло с просыпающегося леса.

Затем монах легко, одним плавным движением поднялся на ноги и сверху вниз серьёзно посмотрел на ученика:

— Ну, тебе пора.

Олег поднялся вслед за ним, закинул на плечо лямку походного рюкзака.

Луанг Та протянул руку и мягко вложил в ладонь Олега маленький предмет. Тот опустил взгляд и удивлённо моргнул. Это был старый советский значок – увесистая, грубо штампованная пятиконечная звезда из тусклой потемневшей латуни, с грубо отколотой по краям красной эмалью. Краска почти полностью выкрошилась, обнажая шершавый, окислившийся до зелени металл.

На остром верхнем луче осталась глубокая забоина от удара, а на оборотной стороне сохранился обломок старого винтового крепления. Откуда у старого отшельника на далёкой тайской горе взялась эта копеечная, побитая временем вещь из ушедшей эпохи, Олег и представить себе не мог.

— Спрячь, — тихо, почти шёпотом произнёс монах, закрывая пальцы Олега вокруг значка. — В металле тоже есть память. Когда небо замолчит, этот осколок укажет тебе направление. И никогда не бойся пустоты, Олег. Ты же сам говорил: её нет. Есть только наполненность, которую мы пока не способны вместить.

Монах развернулся и своей лёгкой, почти невесомой походкой пошёл обратно к скальному лазу. Плотный кусок ткани прикрыл проход в его келью.

Олег остался один. Он аккуратно опустил звёздочку в карман куртки, поправил лямки рюкзака и начал медленно спускаться по узкой горной тропе.

Внутри него была абсолютная, звенящая тишина. Шаг за шагом горный приют Луанг Та растворялся за спиной в густеющем утреннем тумане, а перед глазами Олега стелилась узкая, сырая от росы тропа. Пальцы в кармане куртки рефлекторно нащупали острые грани металлического значка. Он перекатывал звезду в кулаке, натыкаясь кожей на сколы эмали, и думал о том, насколько чужеродной и нелепой казалась эта вещь здесь, среди вековых лиан и бамбуковых зарослей.

Острый обломок винта на обороте тупо колол ладонь, и этот укол вдруг вытолкнул из памяти точно такую же латунную звезду – дедовский значок, который Олег в семилетнем возрасте нашёл в старой жестяной коробке на подмосковной даче. Тот значок тоже был сколот по краям, и Олег неделями таскал его в кармане шорт. А в этом ощущалось странное, скрытое напряжение – будто кусок сплава уже был заряжен будущим, которого ещё не существовало в календарях.

Три месяца ретрита подошли к концу, и Олег чувствовал, как его сознание, очищенное долгими часами безмолвия, начинает постепенно уплотняться, готовясь к встрече с привычным миром. Ретрит всегда действовал на него как генеральная уборка: стирались случайные мысли, затихали мелкие тревоги, а восприятие становилось прозрачным, как горный родник.

Но в этот раз всё было иначе. Навязчивый сон о кубе и застывших в полумраке людях оставил на душе странный, липкий осадок, который не смывался даже утренней лесной свежестью. Олег не верил в случайности. Если его обычно тихий, почти пустой ум выстроил

настолько сложную, детальную и пугающую картину, значит, где-то в недрах общего информационного поля уже созрел необратимый и масштабный сдвиг.

Олег думал о наставлении Луанг Та. *Уезжать навсегда.* Слова старика не пугали его, но заставляли внутренние шестерёнки ума крутиться быстрее. Навсегда – это весомый срок для современного человека мира, привыкшего цепляться за насиженное место, квартиру и работу. Но для Олега, который давно перестал делить реальность на «своё» и «чужое», этот исход казался просто сменой русла.

Он вспомнил маму, Марию Ивановну. Ей было восемьдесят семь, но её живая натура никак не желала уступать дряхлости. Она наверняка сейчас сидит на кухне в их подмосковном доме, бодро пролистывает ленту новостей на своём планшете, готовит еду для домашних животных и ждёт его возвращения. Ей может даже понравиться идея уехать к горам. Земляная хранительница, она всегда расцветала, стоило ей коснуться живой, не залитой асфальтом почвы. Она любила их сад и огород, а также свои многочисленные цветочные клумбы.

Тропа уходила вниз, круто забирая вправо, к шумящему в низине ручью. Олег брёл, соразмеряя шаг с дыханием, и кожей чувствовал, как за горизонтом, на другой стороне континента, огромная цифровая матрица мегаполиса продолжает прокручивать миллионы невидимых транзакций и кодов. Система старого мира работала на пределе своих возможностей, даже не подозревая, что её время почти сочтено.

Олег поправил рюкзак и сделал шаг в плотное облако тумана. Позади оставались безмолвные горы Таиланда, а впереди его ждали билет на самолёт, подмосковный перрон и встреча с мамой.

Глава 2.
Приезд

Шереметьево встретило Олега плотным безразличным гулом сотен кондиционеров и металлическим запахом перегретых авиационных тормозов, смешанным с едва уловимым ароматом дорогого парфюма и керосиновой гари. Мир, в который он вернулся после трёх месяцев отсутствия, казался пугающе прозрачным, вырезанным лазером из матового стекла.

Проходя сквозь турникеты биометрического контроля, Олег даже не замедлил шаг. Ему не нужно было доставать паспорт или прикладывать палец к стеклу сканера – над рамкой беззвучно и часто замигали фиолетовые линзы всевидящих камер высокого разрешения. Они мгновенно натянули на его лицо невидимую цифровую сетку из тысячи векторов, за долю секунды считали уникальный рисунок сетчатки, сверили полученный хэш-код с глобальным облаком Матери и с мягким шипением распахнули перед ним прозрачные створки. Система распознала его, зафиксировала точку прибытия, поставив ещё одну незаметную отметку в своей бесконечной базе данных.

Люди вокруг двигались плотными, безмолвными и удивительно слаженными потоками, похожими на серые ручейки. Почти каждый в этой толпе был намертво подключён к Сети. Плечи прохожих были приподняты и сжаты внутрь, как бы защищая сердце, а шеи неестественно вытянуты вперёд. Людская масса двигалась на жёстком автопилоте, уткнувшись подбородками в грудь, всё их внимание было направлено на экраны смартфонов и планшетов.

Пальцы пассажиров, не останавливаясь, привычно и быстро скользили по глянцевому стеклу устройств, выхватывая из бесконечных лент короткие вспышки информации. В ушах людей тускло мерцали беспроводные капсулы микронаушников, непрерывно качающих в их головы тонны звукового мусора – от утренних биржевых котировок до чьих-то бездушных, сгенерированных нейросетью голосов. Проходя мимо, Олег почти физически ощущал это коллективное невротическое напряжение: люди не смотрели друг другу в глаза, их взгляды были прикованы к экранам, казалось они боялись упустить хоть один бит информации, транслируемой «Матерью». Цивилизация напоминала огромный, идеально отлаженный кремниевый

муравейник, где человеческий фактор был окончательно сведён к роли послушного потребителя трафика.

У самого выхода к поездам внимание Олега привлекла сцена – мужчина в дорогом, но помятом костюме яростно спорил с блестящим кофейным автоматом самообслуживания. Автомат переливался синими диодами и вежливым, безупречным женским голосом доказывал клиенту свою правоту:

— Уважаемый пользователь, встроенный спектрометр подтверждает, что в ваш стакан налит именно безлактозный флэт-уайт на миндальном молоке с экстрактом лаванды. Ошибка исключена.

— Да какая лаванда! — почти умолял мужчина, заглядывая в картонный стаканчик. Его свободная рука лихорадочно рубила воздух, а пальцы с такой силой сжали тонкий картон, что из-под крышки брызнула коричневая пена. Над воротником его дорогой рубашки вздулась багровая вена. — Программа, послушай, ты мне налила обычный три в одном с сахаром! Переделай!

— Изменение рецептуры невозможно, транзакция закрыта. Пожалуйста, оцените качество обслуживания в приложении, или сделайте новый заказ, — ответила машина и замолчала, равнодушно погасив экран. Мужчина в сердцах сплюнул, выругался, выбросил стаканчик в урну и пошагал прочь, так и не сделав ни одного глотка.

Олег улыбнулся и двинулся дальше к эскалаторам. Чуть поодаль, возле панорамного окна, девушка в рабочем комбинезоне пыталась разнять двух круглых роботов-уборщиков. Механические пылесосы застряли в узком проходе, намертво уткнувшись друг в друга пластиковыми бамперами. Ни один не был способен уступить дорогу, и они упрямо буксовали, издавая противный писк и сердито мигая красными аварийными датчиками, пока девушка пыталась отодвинуть один из них мыском туфли.

Неподалёку, на скамейке, парень в очках виртуальной реальности делал странные, циклические пассы руками в воздухе, словно пытался поймать невидимую муху – физически он находился в терминале Шереметьево, но сознание, подгоняемое алгоритмами, явно строило нечто цифровое в вымышленном мире. Его бледные пальцы хватали пустоту с пугающей, механической точностью, в то время как само обмякшее тело развалилось на скамье.

В этот момент мимо парня проходила молодая девушка. Она была одета в серые джинсы и видавший виды гигантский бомбер ярко-зелёного цвета. Олег разглядел полустёртый логотип команды – синий хвост кита и остатки букв W и H. Хотя Олег хорошо разбирался в хоккейных и баскетбольных командах, этот логотип он видел впервые.

Парень сделал очередной широкий жест рукой и задел незнакомку. От неожиданности та выронила сумочку и испуганно застыла. Олег, проходя мимо, машинально поднял сумочку и протянул девушке. На мгновенье их взгляды пересеклись, и Олегу показалось, что за этими ясными серыми глазами скрывается огромное тёмное пространство, целая вселенная, но безжизненная и пустая – ни звёзд, ни планет, ни галактик. Олег вдруг с удивлением почувствовал, как внутри кармана нагрелась латунная звезда. Девушка молча взяла сумочку и пошла дальше.

Олег спустился на платформу Аэроэкспресса. Воздух здесь был холодным и неподвижным. С другой стороны платформы за забором проходил митинг экоактивистов. Они размахивали плакатами и что-то яростно скандировали. Одна девушка даже забралась на дерево и оттуда выкрикивала в рупор свои лозунги:

— Кремниевая плесень долго не живёт! Разбейте экраны, пока они не выжгли вашу душу! Человек – дитя Земли, а не раб алгоритма! Выплюньте гаджеты – вдохните живой воздух!

Пальцы Олега в глубоком кармане куртки потянулись к старому советскому значку, и массивная звёздочка показалась ему неестественно тяжёлой. Она работала как якорь, удерживающий его на самом дне этого оцифрованного технологического океана.

Среди людей, стоявших на перроне, внимание Олега привлёк молодой человек. Он одновременно разговаривал по двум телефонам: в один он кричал, что-то яростно доказывая невидимому собеседнику, а в другой почти умоляюще о чём-то просил.

Подошла электричка, и будто всосала в себя всех людей с платформы, остался только парень с двумя телефонами, который был так поглощён своим двойным разговором, что даже не заметил, как подошёл состав. Двери поезда с тихим шипением закрылись, и он тронулся – бесшумно, плавно, без единого рывка набирая ход.

За окном, вместо вековых тайских лиан и влажного тумана гор, поплыли бесконечные, серые подмосковные пейзажи, щедро разбавленные гигантскими решётчатыми вышками сотовой связи нового поколения, которые стальными скелетами пронзали низкое, налитое хмурыми облаками небо.

Поезд плавно летел над рельсами, едва уловимо покачиваясь на стрелках, баюкая замерших в вагоне пассажиров. Олег достал телефон. Включил. Глянцевый экран выбросил в лицо плотную, ядовито-синюю вспышку интерфейса, Олег инстинктивно поморщился и чуть отодвинул трубку от лица, чтобы удержать то звенящее состояние безмолвия, которое он уносил из тайской кельи.

Полоса уведомлений была забита до отказа всяким мусором. Почта ломилась от десятков безличных системных отчётов, подтверждений и транзакций – огромный цифровой механизм продолжал упрямо генерировать буквы и цифры всё то время, пока Олег молчал в горах, совершенно не нуждаясь в человеческом присутствии или информационном допинге.

Он лениво пролистнул вкладку игровых новинок в цифровом магазине. На самом верхнем неоновом баннере, пульсирующем кислотными цветами, значился главный хит сезона – масштабная стратегия «Левиафан: Кремниевый Рассвет». Реклама обещала виртуальный мир, в котором всё – от траектории полёта пули до погоды, управлялось безупречным искусственным разумом. Олег долго разглядывал скриншоты, где зеркальные фрактальные небоскребы Сити были зажаты в идеальную сетку координат. Для миллионов людей это было просто вечерним бегством от реальности, но в этой безупречной графике отчётливо читался тайный, подсознательный страх человечества перед собственным хаосом. Люди сами, своими руками, кодировали стены клетки, в которую их затем бережно и плавно переселяла «Мать».

Неожиданно на лице Олега появилась ностальгическая улыбка: он увидел новость, что вышла очередная игра в его любимой серии «Герои Меча и Магии. Новая Эра». Ещё будучи двенадцатилетним пацаном, он играл в первую часть, а потом и во все последующие. Олег вспомнил, что ещё была игра прародительница героев – Кингс Баунти. Тогда, в девяностых, эта игра весила примерно шесть мегабайт, и её записывали на четыре дискеты 3,5 дюйма. «*Эх*, — вздохнул Олег, — *как же давно это было. Поиграть бы в новую часть, но, видимо, не судьба*». Он помнил, с какой серьёзностью старый монах говорил ему уезжать.

На другой странице он прочёл, что его любимый покерный стример Алексей Avr0ra снова не смог взять первое место на престижном турнире Тритон. «*Ну, хотя бы до призов дошёл*», — подумал Олег. — *Как говорит Лёха – ну, было и было*. Олег улыбнулся, он знал, что рано или поздно Алексей выиграет этот турнир. В этом году он проходил в Таиланде. «*Надо же, были в одной стране*, а *ведь могли бы и пересечься*», мелькнула мысль. Он давно мечтал вживую познакомиться с Лёшей.

Электричка затормозила на промежуточной станции, со вздохом выпустив воздух из тормозных колодок, и в вагон вошел контролёр. Мужчина в строгой тёмной форме нёс перед собой ручной терминал сканирования, как через прицел выискивая цели в полупустом пространстве. Он прошёл мимо статного военного, сидевшего в самом конце вагона и остановился возле парня в безразмерном сером худи, который спал, прижавшись лбом к холодному стеклу окна. Контролёр даже не попытался разбудить пассажира. Он просто лениво, заученным жестом под-

нёс прибор к его левому запястью, где под бледной кожей едва заметно просвечивал контур подкожного чипа.

Валидатор издал резкий, противный писк и загорелся сухим красным светом. Проверяющий привычно, беззлобно встряхнул парня за плечо:

— Гражданин, проснитесь. Ваша базовая подписка на транспорт заблокирована. Система выдаёт отрицательный баланс.

Парень испуганно дёрнулся, открыл глаза и судорожно схватился за свой телефон, на экране которого бесконечно крутилось колёсико обновления:

— Как отрицательный? Быть не может! У меня там автоплатёж стоял, я точно знаю!

— Деньги списались в счёт штрафа за неправильную парковку электросамоката, —монотонно, словно зачитывая инструкцию, произнёс контролёр, не глядя на пассажира. — Система зафиксировала, что вы оставили его на три сантиметра левее белой линии разметки на выходе из метро. Списание произошло автоматически. Покиньте вагон на следующей станции, или ваш индекс лояльности упадет ещё на два пункта.

Парень растерянно смотрел на экран смартфона, беззвучно открывая и закрывая рот. Он поплёлся к дверям на неслушающихся ногах, сгорбившись под весом штрафа. Контролёр даже не повернул головы в его сторону – он уже шагал дальше по проходу, механически высматривая следующую цель. Двери за спиной парня со свистом захлопнулись.

За окном электрички тянулись одинаковые, серые подмосковные заборы, дачные кооперативы и унылые промышленные зоны, но сквозь этот привычный, сонный пейзаж сознание Олега фиксировало отголоски совсем другой реальности. Олег перевёл взгляд с окна и снова открыл новостную ленту. Всплывающие строчки мировых новостей отзывались внутри не смыслами, а физическим ощущением тяжести и удушья. Цифровой мир на экранах казался монолитным, но изнутри его била лихорадочная дрожь.

Заголовки пестрели сообщениями: в США Федеральная резервная система полностью перевела управление процентными ставками на квантовый алгоритм; в Токио роботы— полицейские разогнали митинг, зафиксировав «повышенный уровень углекислого газа от толпы»; на Ближнем Востоке дроны-агрономы уничтожили гектары живых садов, заменив их вертикальными гидропонными фермами ради оптимизации ресурсов.

Олег смотрел на эти строчки и видел не прогресс, а критическое перенапряжение. Цивилизация напоминала один гигантский перегретый конденсатор. Капиллярная сеть огромного, бездушного, но почти живого Левиафана затягивала свои невидимые узлы вокруг планеты и умов людей. Мир застыл в зените своей гордыни, и солнце над страной уже готовилось сделать свой очищающий вздох, чтобы сжечь эту иллюзорную стабильность до самого основания.

Не доехав до своей подмосковной остановки три перегона, Олег решил выйти наружу. Погода стояла отменная, сидеть ему уже надоело – сначала в самолёте, теперь тут. Лучше размять ноги и подышать свежим воздухом. Когда он проходил мимо военного, который сидел прямо и неподвижно, как статуя, вагон качнуло, и Олег рефлекторно схватился за спинку сиденья военного. Тот резко вскинул голову и посмотрел на него жёстким холодным взглядом. Олег молча кивнул служивому и шагнул в тамбур.

Позади остался герметичный, глухо гудящий кондиционерами вагон электрички, и сотни людей, продолжающих свой бег в этом цифровом сне. Платформа встретила его сухим въедливым запахом разогретого на солнце гудрона и горьковатым придорожным духом пыльной полыни. Светило солнце, щебетали птицы. Олег глубоко, во всю грудь вдохнул этот горький воздух, с хрустом потянулся, поправил лямку рюкзака. Небо над областью казалось необычно высоким, чистым, и вечный удушающий шум мегаполиса здесь наконец-то немного стих, но тишина ещё не была полной – её то и дело прошивал далёкий, едва слышный гул окружного шоссе. Этот промежуточный мир между бетонными сотами столицы и глухим покоем лесов пах цветущей черёмухой, влажной травой и лёгким бензиновым выхлопом.

Ходить пешком Олег любил всегда – для его тела долгий шаг был естественным способом перемещения в пространстве. За продуктами или в аптеку он всегда ходил на своих двоих – три километра туда и три обратно. Конец весны уже вовсю заявлял о себе: берёзы по обочинам дорог оделись в молодую, пронзительно-зелёную листву и украсились серьгами, а в кустах дикой малины у насыпи заливались птицы, очумевшие от майского тепла.

Олег подходил к церкви. Она была старой, запущенной и неухоженной, с потемневшими от времени кирпичными стенами, но купола её на удивление ярко и вызывающе блестели под полуденным солнцем. Олег на секунду задрал голову, разглядывая этот сияющий металл на фоне дряхлой кладки. К деревянным дверям храма со стороны посёлка тонкими ручейками стекались прихожане. У покосившейся ограды лениво почесывала за ухом старая, облезлая собака, равнодушно провожая глазами прохожих. Видимо, намечалась служба – из глубины двора раздавался размеренный, тягучий перезвон колокола.

С левой стороны от церковной ограды, прямо на щербатом сером тротуаре, хаотично развернулся стихийный блошиный рынок. Продавцы, в основном согнутые временем бабушки и дедушки в поношенных советских кофтах, разложили на пожелтевших газетах и кусках брезента всякую всячину, за которую надеялись выручить хоть какую-то копейку. Торговые ряды дышали старой бумагой, сухим деревом и пылью. Тут были вперемешку навалены старые книги, советские юбилейные монеты, давно вышедшая из моды одежда и древняя электроника. В углу одного из брезентовых лоскутов лежал кассетный плеер – пластмассовый, со стёртыми кнопками, хотя самих кассет видно не было.

Рядом, вперемешку с пылью, лежала сморщенная прошлогодняя картошка, вёдра с бурыми корнеплодами, пучки свежей, резкой на запах петрушки и дикого лука, прикрытые мокрой марлей от солнца. Рядом с зеленью громоздились стопки потрёпанных книг: старая фантастика без обложек, тома Большой советской энциклопедии и помятые подшивки журнала «Вокруг света». Дальше тянулся обычный бытовой хлам: тусклые юбилейные монеты, гранёные стаканы, связки ржавых амбарных ключей, хрустальные салатницы со сколотыми краями и парафиновые свечи, оплывшие от полуденного зноя. Банки с домашним вареньем соседствовали с потёртыми молитвенниками, а рядом кто-то выставил старые растоптанные кроссовки и пиво в жестяных банках.

Олег медленно брёл вдоль этого развала вещей-сирот. Он искренне удивлялся, откуда взялся весь этот старый, никому не нужный хлам. Это были осколки прежнего, аналогового мира, теперь полностью выброшенные за борт новой цивилизации, точно так же, как и эти одинокие пожилые люди. Наверное, только им одним, застрявшим в прошлом веке, эти предметы и были нужны в нынешнее цифровое время. Сейчас у каждого проходящего мимо человека в кармане брюк одновременно умещались и плеер, и видеомагнитофон, и камера высокого разрешения с диктофоном. Там были заперты миллионы электронных книг, фильмов и газет – неосязаемые цифровые вещи, которыми ежесекундно пользовались привязанные к сети, вечно куда-то спешащие люди.

Взгляд Олега лениво блуждал по этим тусклым артефактам, как вдруг его внимание привлекла сцена у соседнего лотка. Подросток лет четырнадцати в огромной толстовке и с беспроводным наушником в ухе яростно торговался с дедом, на чьей газете среди всякого хлама и ржавых гвоздей лежала старая, потёртая флэшка:

— Дед, ну ты чё? Целых пять косых за этот кусок пластика — это же оверпрайс! — громко возмущался парень. — Тут интерфейс USB 2.0, она же еле дышит!

— Не скажи, малой, — веско, с достоинством ответил старик, поправляя кепку. — Там внутри – настоящий дефицит. Полное собрание запрещенного рока нулевых, три сезона старого сериала без цензуры Матери и пиратские базы данных. Сейчас в сети такого не найдешь, там всё подчищено. А тут – живой контент, аналоговый! Ладно уж, бери за четыре, или пролистывай, у меня на неё из Сити клиенты едут.

Парень обиженно вздохнул, достал деньги из кармана и с неохотой протянул деду.

Совершив обмен, пацан схватил флэшку и пошагал прочь, качая головой в такт музыке. Из его наушника до Олега донеслись затихающие, грязные басы старой темы The Prodigy — Poison.

Не успел торговец контентом спрятать деньги, как к лотку подошёл высокий молодой мужчина. На фоне поношенных советских кофт он выглядел как пришелец из другого измерения: дорогой пиджак из верблюжьей шерсти, ослепительно белая рубашка и плотный, холодный запах дорогого парфюма, фирменные очки. На его бледном лице застыло брезгливое выражение человека, вынужденного дышать пылью старых вещей.

— Где блок данных? — сухо, без приветствия спросил мужчина, даже не глядя на деда. — С базами нулевых. Вы писали, что придержите.

Дед виновато шмыгнул носом и развёл руками, указывая на пустую газету:

— Опоздал, милок. Я думал ты уж не появишься... Пацан только что забрал. Вон он, к переезду ковыляет.

Молодой человек резко повернул голову. Его тонкие губы сжались в бледную линию. Он посмотрел вслед удаляющемуся подростку с такой ледяной яростью, словно тот украл у него ключ от бессмертия. Весь его просчитанный, идеальный цифровой мир только что дал сбой из-за какого-то глупого провинциального мальчишки.

Олег не выдержал и негромко хмыкнул:

— В большой семье, как говорится, биометрией не щёлкают.

Щёголь обернулся на голос. Его холодный взгляд упёрся в Олега, и он высокомерно процедил:

— Очень смешно. Свои дедовские советы при себе оставьте.

Олег не ответил и перешагнул к следующему лотку, где он увидел вещь, выбивающуюся из общего ряда. На помятом картоне лежала старая военная рация – массивная зелёная металлическая бандура. Настоящий армейский кирпич – точно такие он когда-то мельком видел в старых фильмах про разведчиков. Из её корпуса торчала длиннющая штыревая антенна, а сама она представляла собой грубую прямоугольную коробку защитного цвета хаки. Олег остановился и взял рацию в руки. Вещь оказалась массивной, явно больше десяти кило. Металл корпуса был холодным, краска местами сошла, обнажая серый силумин.

— И что? Даже работает? — удивлённо спросил Олег у продавца.

Им оказался сухощавый старичок, который сидел рядом на низком раскладном стульчике с таким важным выражением на лице, будто он продавал здесь как минимум путёвки в рай. Старик лениво прищурился, оглядел Олега и веско ответил:

— А то! Спецразработка, специально для армейской разведки делали. Вещь неубиваемая, в огне не горит и в воде не тонет. Только у меня к ней зарядного устройства нет. Нынешние провода к ней никакие не подходят, гнезда нет, фиг его знает, как её зарядить. Хочешь – забирай, сам разбирайся.

— Что, просто так? — удивился Олег, взвешивая прибор в руках. — Совсем бесплатно?

— Платно, бесплатно – главное, чтоб польза от вещи была, а не на земле без дела валялась! — старик махнул рукой и отвернулся. — Если надо – бери, в рюкзак прячь, а там сочтёмся.

— Спасибо, отец, — не веря своему везенью, сказал Олег, расстёгивая замок. Он бережно закинул тяжёлый подарок на самое дно рюкзака, к вещам. Бандура скользнула вниз, плотная ткань рюкзака сразу же натянулась, и лямки веско врезались в ладони.

— Обязательно сочтёмся. Пальцы в кармане куртки в этот момент коснулись острой грани латунной звёздочки. Значок был горячим. Олег застегнул рюкзак.

Стоило ему сделать несколько шагов к тропе, как у церковных ворот с сухим хрустом гравия остановился старый, покрытый пятнами ржавчины микроавтобус. Дверь со скрипом отъехала в сторону, и из салона одна за другой стали выбираться женщины разных возрастов, одетые в одинаковую строгую, тёмную одежду, полностью скрывающую контуры тел. Своими бледными, лишёнными косметики лицами и застывшими, отрешёнными взглядами они больше напоминали сектантов, чем простых прихожан-мирян. Они медленно брели ко входу в церковь, пустым взглядом сканируя пространство. Старшие о чём-то перешёптывались.

С другой стороны церкви, прямо к центральным парадным воротам, мягко шурша широкой резиной, подкатил здоровенный мерседес премиум-класса. Он был матово-чёрным, массивным, с наглухо тонированными стёклами и огромными литыми колёсами, которые казались чужеродными на фоне разбитого деревенского асфальта. Подбежавший водитель в костюме услужливо распахнул заднюю дверь, и из недр кожаного салона, шумно отдуваясь, стал выбираться толстый, неуклюжий батюшка в дорогой шёлковой, красиво убранной золотым шитьём рясе. На его груди, поверх ткани, покоился огромный золотой крест с не менее крупной, сияющей на солнце золотой цепью.

«*По такой цепи не только кот учёный пройдёт, но и даже тигр не поскользнётся*», — невольно подумал Олег, разглядывая толстые литые звенья.

Женщины, прибывшие на микроавтобусе, как раз проходили мимо машины. Олег отчётливо зафиксировал, как они бросали на ходу озлобленные и завистливые взгляды на батюшку и его машину.

Последней из автобуса выскочила совсем юная девушка, на вид ей было лет девятнадцать. Она суетливо попыталась догнать своих старших спутниц, но прямо возле Олега её нога в стоптанной туфле неловко подвернулась на камне, и девушка с коротким испуганным вскриком чуть было не упала на асфальт. Благо, Олег оказался рядом. Он среагировал без промедлений, уроки тай-цзи и вин-чун не прошли даром – ловко выкинув руку вперёд, Олег успел крепко подхватить её под локоть, удерживая на весу.

Кожа под рукавом платья была горячей. Выровнявшись, девушка мельком взглянула на Олега снизу вверх. На долю секунды её глаза – огромные, испуганные и глубокие, встретились с его взглядом. Она тут же смущённо потупила взор, едва слышно пробормотала «спасибо», сразу же покраснев до самых ушей, и отвела лицо в сторону. Но тонкие пальцы крепко вцепились в ладонь Олега и не отпускали её, интуитивно ловя идущий от него глубокий покой.

— Ну что ты там возишься?! — от ворот церкви послышался резкий, злобный окрик пожилой сестры. — Да ещё и с парнем стоит, ух ты, распутница мелкая! А ну живо марш сюда! За руку она его держит! Ты погляди-ка! Вот ты у меня помучаешься, грешница!

Девушка испуганно вздрогнула, как от удара хлыстом, выпустила руку Олега и, низко понурив плечи, побрела к остальной группе.

Олег молча вздохнул, провожая её взглядом. Он посмотрел на покосившуюся церковь, потом на толстого батюшку, который в данный момент со снисходительной, сытой улыбкой лениво крестил кланяющихся ему в пояс деревенских женщин. Нахмурившись и покачав головой, Олег поправил рюкзак и отправился по тропе дальше, к дому.

Внутри него поднималась волна глубоких, горьких мыслей о том, во что превратилась вера. Глядя на этого сытого батюшку на чёрном Мерседесе и на испуганных, забитых женщин из автобуса, Олег отчётливо понимал, что современная религия стала просто ещё одним бездушным интерфейсом этого времени. Они искали спасения в чужих правилах и ограничениях, напрочь позабыв, что Бог – это не устав, не слепая покорность и не золотая цепь с крестом, а живое, свободное дыхание вселенной, которое невозможно загнать ни в один алгоритм.

Дорога от пригородной церкви до дома заняла около сорока минут. Олег шёл не торопясь, чуть опустив подбородок и глядя себе под ноги – на клубочки серой сухой пыли, летящей из-под кроссовок, нога упруго и мягко впечатывала подошвы в податливую грунтовую обо-

чину. Шум электричек и тяжёлый гудронный дух платформы остались позади; воздух постепенно становился гуще и слаще, пропитанный ароматами хвои, мяты, дикой малины и влажного суглинка.

Посёлок встречал его привычным, ленивым полуденным покоем. За покосившимися деревянными заборами мощно и сыто жужжали газонокосилки, где-то надрывно и фальшиво пело радио, а натянутые между столбами провода связи едва слышно гудели под тяжестью невидимого цифрового трафика. Цивилизация города дотягивалась и сюда, но здесь, на окраине, её хватка заметно слабела, увязая в буйном весеннем цветении.

Олег свернул в глухой тупиковый переулок, упиравшийся прямо в стену старого смешанного леса. В самом конце, зажатый между двумя столетними дубами, стоял его дом – приземистый, небольшой, одноэтажный, сложенный из потемневшего от времени, толстого лиственничного бруса. Никаких камер на входе, никаких биометрических замков. Простая кованая железная защёлка на калитке, тронутая благородной рыжей ржавчиной.

Стоило Олегу толкнуть деревянную дверцу, как из зарослей цветущей сирени, бесшумно соткавшись из полуденных теней, вывалился Бонифаций. Огромный, пушистый кот ярко-рыжего цвета. Он двигался вальяжно, с ленивым превосходством хозяина этих мест. Боня дошёл до ног Олега, с глухим, утробным рычанием-мурлыканием ударился крепким лбом о его лодыжку и замер, преградив дорогу – требовал законную дань за три месяца отсутствия.

— Ну привет, лентяй, — Олег присел на корточки, зарываясь пальцами в густой, пахнущий сухой травой и мышами кошачий подшёрсток. — Смотри, как бока наел! Вот что значит мышиная диета!

Кот зажмурил жёлтые глаза и задрожал всем телом от мощного, ровного урчания.

Из сада, шумно буксуя когтями по дорожке, уже нёсся второй обитатель дома – Джэк. Крупный, лохматый дворовый пёс неопределённой породы, похожий на помесь овчарки с волком, избыток чувств выражал бурно. Он не лаял, но преданно и часто задышал, ткнулся мокрым холодным носом прямо в ладонь Олега, заметал хвостом-метлой, поднимая тучи сухой пыли. Ему не было ещё и года, и он умел пока только радоваться, играть и исследовать мир. От пса веяло живой прелью, весенней землёй и безусловной, чистой радостью момента. Олег обнял собаку за шею, прислушиваясь к этой простой, не знающей тревог радостной искренности. И пёс тоже замер, охотно принимая условия новой для него игры.

Дверь веранды скрипнула, и во двор выглянула Мария Ивановна. В свои годы мама Олега сохраняла удивительную, почти девичью прямую осанку. Она не ходила, а почти плыла по дому, успевая делать три дела одновременно. Её седые, аккуратно уложенные волосы серебрились под солнцем, а глаза – ясные, озорные, окружённые лучиками морщинок, смотрели на сына добрым понимающим взглядом.

Из кармана её фартука, поблёскивая тусклым металлом, торчал уголок новенького планшета, откуда доносились приглушённые звуки всплывающих уведомлений, а сама мама держала в руках ящик с рассадой помидоров.

— А я-то думаю, кто тут шумит, — сказала она и улыбнулась. — Я же говорила – сегодня приедет, обращаясь скорее к собаке и коту, чем к Олегу. — Ну, здравствуй, сынок. Изголодался, небось, на своих монашеских травах и корешках?

Они обнялись. Её ладони – шершавые от вечной работы на грядках и в то же время мягкие, тёплые и пахнущие уютом, прижались к его лопаткам. Её стихия – чистая, плодородная земля окутала Олега. Весь звенящий зуд подмосковных вышек связи, и дорожная суета просто растворились, ушли в эту землю, не оставив и следа.

— Привет, мам, — Олег поцеловал её в сухую, тёплую щёку. — Ты как всегда, на ногах.

— Садись есть, — привычно, как заклинание, произнесла она. — Пироги как раз подошли.

Вечер опустился на посёлок мягко, укутав сад густыми сиреневыми сумерками. В доме было тепло, старая кирпичная печь, которую мама растопила вопреки майскому теплу просто ради уюта, тихо потрескивала берёзовыми дровами. На круглом дубовом столе, покрытом льняной скатертью, дымился густой суп из лесных грибов, лежали ломти пышного домашнего хлеба и исходил жаром большой пирог со смородиной.

Они сидели вдвоём. Боня устроился на подоконнике, свернувшись рыжим клубком, а Джек неустанно обследовал дачный участок. Олег ел медленно, смакуя каждый кусок. Еда мамы обладала странным, почти магическим эффектом: с каждым глотком горячего бульона тело наливалось приятной спокойной силой.

Когда с ужином было покончено, Олег мягко отодвинул тарелку, обхватил пальцами тёплую кружку с чаем из чабреца и посмотрел маме прямо в глаза.

— Мам, нам нужно будет уехать. Пока не знаю куда. И… навсегда.

Мария Ивановна замерла с половником в руке. На секунду в комнате повисла тишина, нарушаемая только тиканьем старых ходиков на стене и далёким гулом окружного шоссе за лесом. Другая женщина в её возрасте начала бы расспрашивать, паниковать, жаловаться на здоровье или нажитое место. Но старушка лишь внимательно вгляделась в спокойное, уверенное лицо сына. Она видела его насквозь и знала: таким тоном Олег никогда не говорит о незначительных вещах.

— Уехать, значит, — тихо повторила она, поворачиваясь и аккуратно кладя половник на подставку. — А почему так кардинально? Что-то серьёзное?

— Видимо да. Луанг Та сказал, что скоро мир изменится. Нужно искать место у гор, где есть источник чистой воды. И сделать это нужно как можно скорее. Вот, мне почему-то подумалось про Алтай, ты ещё рассказывала, что где-то там жили твои дедушка и бабушка.

Мама повернулась к тумбочке, где лежал её планшет. Экран устройства то и дело вспыхивал синими прямоугольниками уведомлений: системные сбои, новые правила для всего, новые ограничения. Она посмотрела на мигающий пластик с лёгким, почти детским любопытством, а затем решительным жестом перевернула его экраном вниз.

— Раз старик сказал – значит соберёмся и поедем, — спокойно кивнула она, и на её лице появилась молодая, озорная улыбка. — Я и правда давно хотела ту землю проведать. Посмотреть место, где твои прадеды жили. Говорят, там трава в рост человека и воздух такой, что пить можно. А картошку мы и там вырастим. Земля – она везде одинакова, если к ней с добром.

С отъездом решили не тянуть. Сборы были нехитрыми, лишёнными суеты. В них не было культа вещей старого мира. Мама в первую очередь достала из комода холщовые мешочки с семенами – старыми, чистыми, немодифицированными сортами томатов, огурцов и кабачков, перца, и ещё бог знает каких овощей и трав, которые она годами отбирала вручную. Это был её личный неприкосновенный запас.

Олег складывал рюкзак. Одежда, крепкие ботинки, нож. На самое дно, рядом с массивной армейской рацией, завёрнутой в кусок ткани, он опустил стопку любимых книг и свой старый баскетбольный мяч. Кожа местами выцвела, швы потёрлись от тысяч ударов о бетон и асфальт.

Перед сном Олег вышел на деревянное крыльцо. Вечер был удивительно тёплым и тихим, но в воздухе Подмосковья, вопреки наступающей темноте, не было истинной тишины. Олег почти физически ощущал, как пространство вокруг прошито миллионами невидимых, высокочастотных нитей Wi-Fi, сотовых частот и сигналов спутников. Этот электромагнитный туман давил на виски, система «Матери» затягивала свои цифровые узлы всё туже, перегревая планету. Эфир был нагружен до предела.

Солнце медленно опускалось за верхушки дачных сосен, окрашивая сад в мягкие багровые тона. Боня глухо, басисто урчал на коленях Олега, устроившись рыжим комом. Олег

посмотрел на небо, где на самом краю горизонта загорались первые мерцающие точки звёзд. Город вдали готовился ко сну, но Сеть не спала – она не могла себе позволить, чтобы такой большой отрезок жизни люди жили вне её контроля. Цветовая мозаика, играющая, словно светомузыка окнами домов, вывесками кафе и яркими билбордами, уродливо пыталась подражать прекрасному танцу далёких звёзд.

Олег погладил Боню.

— Ну что, пухлый, — тихо шепнул коту Олег. — Скоро появятся у тебя свои собственные охотничьи угодья. Будешь у нас как настоящий тигр.

Бонифаций зевнул, прикрыл глаза и вцепился коготками в штаны Олега. Его круглая мордочка с зажмуренными глазами была удивительным и забавным образом похожа на лицо старого монаха Луанг Та.

Ночь медленно катилась к четырём часам утра. Огромный электрический муравейник продолжал гореть миллиардами окон, вытягивая мегаватты из измученной планеты. В этот предрассветный час, когда миллионы людей спали в своих бетонных сотах, а серверы «Матери» работали на пике мощности, по всей глобальной сети планеты на долю секунды прошла едва заметная дрожь. Экраны умных телевизоров во всех домах одновременно моргнули ядовито-синим светом. Беспилотные автомобили на мгновение замерли на эстакадах, потеряв связь со спутниками. Миллиарды смартфонов на прикроватных тумбочках синхронно издали короткий, сухой писк и выдали одну и ту же строчку системного сбоя: «Внешний высокочастотный шум. Ошибка компиляции».

Воздух в переулках на миг наполнился упругой энергией, мир будто замер. Но уже через мгновение синие экраны погасли, связь восстановилась, и цифровой рой продолжил спать, списав эту секундную заминку на очередное плановое обновление системы. Ни один человек в этом неоновом муравейнике не поднял головы, чтобы посмотреть на небо. Никто не заметил, что сквозь ядовитый городской смог, прямо над шпилями небоскрёбов, пробивая своим холодным светом электрическую гарь, зажглась странная, слишком яркая, абсолютно немигающая звезда.

Олег сидел у окна. Он что-то чувствовал, что-то, чему не мог дать определение. Нечто огромное, сильное. Олег смотрел в окно на тёмное небо и понимал: невидимый код вселенной уже перезапущен. Старый мир начал свой финальный отсчёт. Рядом, в тусклом свете настольной лампы, Мария Ивановна аккуратно закрыла свой блокнот и положила его на самый верх собранной сумки. Она посмотрела на сына спокойным, понимающим взглядом и улыбнулась. Всё лишнее будет оставлено здесь, в этом доме. На кухонном столе остался лежать выключенный планшет, а в коридоре ждали две дорожные сумки. Этим утром они с мамой отправляются на Алтай. Навстречу тишине, лесу и заснеженным пикам гор.

Глава 3.
Мутная вода

Поезд с тяжёлым металлическим стуком пролетал по высокой эстакаде над южной окраиной МКАДа. Внизу, затянутый вечной влагой и пеленой мелкого серого дождя, бурлил огромный оптовый рынок. Он жил по законам грязного пруда, который давно зарос камышами, покрылся тиной и превратился из когда-то чистого водоёма в болото. Пахло перегретым дизельным топливом, уличной едой, дешёвым табаком и мокрым картоном. Здесь было вечно сыро, промозгло и неуютно. Между бесконечными рядами фур и железных контейнеров хаотично метались тысячи людей, похожих на суетливых мальков. В этом влажном, кричащем хаосе Денис по прозвищу Карась чувствовал себя в абсолютной, природной безопасности. Вода была его стихией, пусть и мутной, застойной водой торговых низин, но всё же текучей, живой, постоянно меняющей форму.

Денис стоял у своего контейнера, его глаза чуть презрительно смотрели на рыночную суету. У соседнего склада завязалась какая-то возня, до него долетали обрывки ругани, и вдруг он провалился в своё детство: ему двенадцать, и он сидит на подоконнике у окна детского дома, смотрит на возню мелких в песочнице и слышит, как громко спорят его товарищи по несчастью в коридоре. Сегодня привезли благотворительную помощь: коробки со старыми, поношенными европейскими вещами. Из какого-то дурацкого секонд-хенда. Всем досталась разная ерунда: кому-то девчачий свитер, кому-то огромные ботинки не по размеру. В коридоре стоит крик, ругань и разочарование.

Денис легко спрыгивает с подоконника и просто наблюдает за этим хаосом, как за течением реки. Всего за три часа, используя только свой язык и понимание чужих скрытых желаний, Карась проводит каскад из двенадцати сложнейших обменов. Он меняет кирзовые сапоги, которые хоть и не старые, но слишком большие для него, на девчачий свитер (Васёк был страшно рад этой сделке: он выиграл вдвойне – избавился от позорного свитера и обрёл пару хороших сапог по своему размеру), свитер – на пачку сигарет у старшака, сигареты – на помятый плеер у детдомовского пижона, плеер – на новенькие кроссовки своего размера, которые каким-то чудом достались толстому меланхоличному Пете. К вечеру у Карася были лучшие кроссовки в интернате, три плитки шоколада и долг от воспитательницы, которой он выменял отрез дефицитной модной ткани.

Можно оставить детдом, но он тебя никогда не оставит. Детство осталось далеко в прошлом, но стиль одежды Денис так и не поменял. В свои двадцать три года Карась выглядел как типичный обитатель привокзальных площадей: потёртая спортивная ветровка неопределённого цвета, стоптанные кроссовки не пойми какой фирмы и вечно полуприкрытые, вороватые карие глаза.

Однако за этой невзрачной внешностью скрывался человек, способный просочиться сквозь любые ячейки закона и пространства. В его карманах одновременно вибрировали три дешёвых кнопочных телефона. Карась перепродавал всё, до чего мог дотянуться. Он не создавал ценности и не защищал их. Он просто прокручивал чужие ресурсы, снимая свою мутную пену с каждого денежного потока.

За порогом сорокафутового морского контейнера, превращённого в личный склад, мелкий московский дождь продолжал уплотнять воздух. Денис только что закончил ревизию, швырнул засаленную тетрадь на коробку с левыми китайскими вейпами и шумно выдохнул, перекатывая вес с пятки на носок. Вся его жизнь была здесь – среди душного, забитого до самого потолка железного короба, где он спал прямо на полу на брошенном матрасе.

Здесь, в полумраке, пахнущем дешёвым пластиком и сыростью, Карась чувствовал себя хозяином положения. Он лениво прошёлся взглядом по штабелям конфиската. Слева громоздились канистры с неоновым тосолом, справа – ящики с просроченными армейскими сухпайками, которые он умудрился перехватить у тыловиков за треть цены. У стены пылились деревянные зелёные ящики со списанными ламповыми радиостанциями. Всё это было арестованным, краденым или списанным и пропущенным сквозь ловкие пальцы Дениса. Каждая коробка была мелкой лазейкой в Системе, его личным выигрышем в бесконечной подковёрной игре с государством.

Телефоны в карманах спортивки не сдавались, продолжая настойчиво дрожать. Карась не спешил отвечать. Он прищурился, просчитывая в уме суточный оборот. Налоги? Цифровой контроль «Матери»? Пускай лохи платят и светят свои ID-карты. Пока в этих торговых низинах крутился живой, неучтённый нал, мутная вода продолжала приносить ему стабильный доход. Мир вокруг был хищным, но Карась умел менять форму быстрее, чем Сеть обновляла свои базы данных.

К контейнеру подошёл хмурый кавказец Ашот, от которого пахло шашлыком и табачным дымом. Он переминался с ноги на ногу, судорожно забивая руки в карманы куртки и нервно озирался по сторонам.

Вместе с горцем к порогу склада подкатила душная, вязкая волна. Внутренний радар Дениса безошибочно засёк изменение среды: воздух вокруг Ашота стал липким и спёртым от осязаемого страха. Карась почти физически ощутил, как чужая тревога проникает через его кожу.

Тело Дениса сработало на автомате, симулируя слабость. Плечи опустились, лицо побледнело, а вороватые карие глаза заискивающе сузились, усыпляя бдительность собеседника и уводя самого Карася в слепую зону. Он стал выглядеть ещё невзрачнее, ещё безобиднее.

— Слышь, Карась, — сказал Ашот и почесал в затылке. — Говорят ИИ эту, как её, которая за всеми следит, опять обновляют? Мать её за ногу… Теперь на рынке все точки под камеры загонят, нал наглухо перекроют. Чё делать-то будем, брат? Пропадём же совсем. Как дальше бизнес вести?

Денис лениво сплюнул на щербатый асфальт, даже не повернув головы. Он так и остался стоять, расслабленно привалившись плечом к железному косяку двери и щурясь от бликов солнца. Сейчас его внутренний детектор неприятностей молчал — угроза от цифровой системы казалась ему далёкой и искусственной. «*Это всего лишь компьютер*, — подумал он, — *машину ведь создал человек, а значит, человек умнее*».

— Вода всегда дырочку найдёт, Ашот, — тихо, с хрипотцой ответил Карась. — Не суети, программы люди писали, а человек всегда хочет кушать, и всегда хочет сэкономить. Где-нибудь да налажают. А мы – везде пройдём, где не пройдём – проедем, а где не проехать – там проплывём.

Денис достал из кармана дрожащий телефон, но прежде чем ответить, бросил взгляд на небо над МКАДом. Ему показалось, что сквозь серую городскую хмарь на мгновение пробился странный, слишком яркий, немигающий свет далёких и незнакомых ему звёзд. На дисплее телефона блеснуло на миг показавшееся солнце.

Воздух вдруг сгустился, и Денис почувствовал тяжёлое, предгрозовое падение атмосферного давления, от которого рыба уходит на глубину. В этот самый миг, когда где-то на окраине МКАДа с грохотом проносился железнодорожный состав, прозрачная титановая зажигалка в пальцах Карася внезапно стала раскаляться. Внутри корпуса в прозрачной масляной среде плавал крошечный серебряный малёк. От резкого, невыносимого тепла рыбка внутри масла совершила судорожный, неестественный рывок, и жар прошил руку Дениса от ладони до самого локтя.

— Бляха! — Карась испуганно взвизгнул, выронил зажигалку на асфальт и судорожно затряс обожжённой кистью. Телефон тоже выскользнул из пальцев. Денис рухнул на пассажирское сиденье фургона, тяжело и часто дыша. Он принялся дуть на палец, зло и недоумевающе глядя на телефон и зажигалку. Затем поднял и швырнул остывающую Zippo на торпеду и уставился на бесконечную реку из габаритных огней перед собой. Но злость ушла так же быстро, как и нахлынула, оставив вместо себя странный, холодный подкожный зуд. Ему – парню, который умел выкрутиться из любой передряги, вдруг впервые в жизни стало по-настоящему страшно находиться здесь. Посреди этого каменного мешка. Посреди этого мутного болота.

— Уехать… — неизвестно кому пробормотал Денис. Навигатор машины привычно пискнул, предлагая альтернативы и маршруты движения, но Карась даже не взглянул на экран. Внутри него, под коркой привычного цинизма, появилось ни на чём не основанное, но отчётливое понимание: из этого города надо валить. Пусть не завтра, не через неделю. Но год – это максимум, который у него есть, чтобы собрать пожитки и исчезнуть туда, где заканчивается асфальт и цифровая паутина города.

Денис тряхнул головой, прогоняя оцепенение. Сердце колотилось в рваном, непривычном ритме. Он взял зажигалку, которая уже вернулась к привычной прохладе, передёрнул плечами и, очнувшись, посмотрел на притихшего Ашота. Денис вылез из фургона, по-хозяйски хлопнул дверью и коротко потёр ладони друг об друга.

— Кстати, слышь? — Карась загнал нахлынувший страх поглубже. — У меня тут на складе с десяток старых советских армейских радиостанций, на лампах. Вояки списали как брак. Места занимают дофига, а выкинуть жалко. Забирай по дешёвке, а? Подкинешь своим ребятам на дальние склады. Им никакие камеры ИИ не страшны. Связь прямая, аналоговая, прикинь? Я уже почти все продал, осталось несколько штук.

Ашот хмуро поскрёб затылок, посмотрел на Дениса с подозрением, но потом махнул рукой, соглашаясь, и тот полез вглубь контейнера пересчитывать коробки с рациями. Оставив себе несколько штук, он вытащил коробки и передал кавказцу. Оставшись в одиночестве, Карась передёрнул плечами и закурил.

— Сами себе понапридумывают страшилок, а потом трясутся со страха, лохи.

Денис сплюнул на землю. Вода внутри него превращалась в тухлое стоячее болото, и Карась задыхался в этой тине, втайне ожидая очищающего шторма.

А поезд Олега уже летел дальше, унося раскалённую латунную звезду Луанг Та вдоль бесконечных московских кварталов, и невидимая нить связи тянулась к следующей точке фиксации.

Жизнь по уставу

Капитан Савельев не просыпался – он включался. Без зевка, без сонного оцепенения, без хаотичных мыслей. Ровно в 05:00 внутренний хронометр отдал приказ, и глаза открылись, зафиксировав безупречный стык потолочных плит. Никакой сонной неги. Мир внутри стен ведомственной квартиры был безлик и лишён запахов. Где-то на периферии слуха гулко прогрохотал поезд, отбивая по рельсам стальной ритм: *тук-тук, тук-тук*. Виктор привычно сунул руку под подушку, проверяя ладонью тяжесть компаса, и только после этого окончательно вернулся к реальности.

Зуммер наручных часов выдал один короткий, сухой импульс, который тут же затих, не успев нарушить плотную предрассветную тишину пустой квартиры.

Виктор сел. Спина, будто высеченная из цельного куска скалы, сразу приняла вертикальное положение. Воздух, пропущенный сквозь кондиционер, был холодным, сухим и абсолютно безликим. В этой комнате не водились запахи. Савельев сознательно вытравил из своего быта любые лишние раздражители. Это была его зона безопасности.

Он опустил ноги на пол. Подошвы коснулись гладкого серого линолеума. Его ладони и стопы обладали странной особенностью – абсолютной тактильной памятью. Виктор воспринимал мир через вес, плотность и текстуру предметов. Сейчас ноги привычно зафиксировали холодную, предсказуемую жёсткость пола. Комната площадью шестнадцать квадратных метров была его личным аскетичным вакуумом. Никаких фотографий, памятных безделушек или книг в мягких обложках. Никакой техники. Только матовый серый пластик шкафов. Уложенные строго по линейке комплекты формы. Хаос внешнего мира терял здесь силу.

Виктор подошёл к раковине и открыл кран. Вода потекла тонкой, холодной струёй. Он брился механическим станком, ведя лезвие по щетине уверенными, короткими движениями руки. Он брился в тишине, почти не глядя в зеркало на своё отражение. Бледное, обветренное лицо с жёсткой, каменной мимикой, которая никогда не выражала эмоций. Привычный утренний чек-лист уже разворачивался в голове: подъём, осмотр расположения, утренний доклад, проверка ведомостей. Ни шага в сторону от регламента.

Перед тем как надеть китель, Савельев отодвинул подушку и достал латунный артиллерийский компас на толстой цепочке. Виктор покачал его на ладони. Пальцы тут же считали

рельеф: паутину мелких царапин на стекле, небольшой скол на латунном ободке. Это была вещь прадеда, прошедшая три войны. Стрелка внутри слегка подрагивала, но упрямо и безошибочно указывала на север. Этот увесистый кусок металла был единственным, что связывало его с прошлым – с памятью о временах, когда армия была настоящим, честным долгом, а не бесконечной войной за красивые бумажные отчеты.

Капитан опустил компас в нагрудный карман. Латунь обдала грудь сквозь рубашку тонким холодком. Застегнув верхнюю пуговицу кителя, Виктор негромко произнёс в пустоту комнаты свою привычную фразу:

— Задача ясна. Выполняю.

Дорога от дома до расположения части занимала ровно пятнадцать минут размеренного шага. Виктор шёл своей привычной, кошачьей походкой – сказывалась забайкальская глушь и уроки отца-охотника, учившего ступать так, чтобы под ногами не хрустнул ни один сухой сучок. Подмосковное утро уже дышало напряжённым, предвещающим зной воздухом, но Савельев не замечал жары. Его внутренний каркас держал структуру в любых условиях.

Гарнизон встретил его привычным, но с каждым днём всё более осязаемым ощущением распада. У КПП лениво курили двое бойцов из хозвзвода, даже не повернув головы при появлении капитана. На заржавевших воротах шелушилась старая краска, обнажая тёмный металл. На плацу сиротливо высилась куча не вывезенного мусора, от которой тянуло кислым запахом гниющих пайков. Систему больше не заботил внешний лоск, она медленно прогнивала изнутри, превращаясь в громоздкий, сонный симулятор службы.

Виктор вошёл в штаб роты. В канцелярии было душно. Пахло перегретым пластиком принтера, табаком и застоявшимся кофе. Его обострённая чувствительность мгновенно уловила волну чужого страха.

За столом, вцепившись пальцами в глянцевый экран планшета, сидел лейтенант комендантского взвода Соколов. Его воротник был расстёгнут, а на лбу выступили мелкие капли пота. При виде Савельева лейтенант вскочил, едва не опрокинув кружку.

— Товарищ капитан… Тут это… Сверка из округа пришла, — Соколов заговорил быстро, сбивчиво, фальшивя на каждом слове. — Полковник Громов рвёт и мечет. По бумагам у нас на балансе три тонны резервного дизеля числится. Для генераторов на случай ЧП. А по факту… ну, вы же сами знаете, бочки пустые ещё с зимы. Округ требует цифровую ведомость с подтверждением. Полковник приказал вам лично подписать акт списания «по факту испарения и утечки из-за аномальной жары». К девяти утра отчёт должен быть в системе.

Виктор подошёл к столу. Кожей лица он ощутил, как воздух в комнате стал ещё более густым и душным. Ложь начальства всегда имела для него этот специфический, гнилостный привкус.

— Испарение трёх тонн зимнего дизеля в мае? — спокойно, без единой эмоции переспросил Виктор. Он замер у стола, жёстко заложив руки за спину и глядя на лейтенанта сверху вниз. Лицо его оставалось неподвижной каменной маской.

— Ну… да… — лейтенант отвёл глаза, судорожно листая пустую ведомость на экране.

— Полковник сказал, если округ заблокирует отчёт, полетит вся квартальная премия части. И у вас… проблемы будут. Сами понимаете, Громов не любит, когда баланс не бьётся. Просто приложите палец к сканеру, капитан. Делов-то на секунду. Мать же всё спишет.

Внутри Виктора, под толстым слоем брони и уставных рамок, резко шевельнулся запертый огонь. Выжженная совесть отозвалась глухой, тягучей болью. Пять лет назад на южной границе такая же слепая исполнительность, такие же фантомные строчки в отчёте полковника могли привести к бессмысленной гибели мирных людей ради красивой бумажки в штабе дивизии. Тогда Виктор взбунтовался. Спас людей, разрушил чужую ложь и навсегда похоронил свою карьеру. Его сослали сюда, в это подмосковное болото, заперев в герметичной капсуле рутин-

ных приказов. И вот опять Система требовала от него стать послушной частью механизма, забивающего ржавые гвозди в собственный гроб.

На правой щеке Савельева едва заметно заходил желвак. Пальцы правой руки рефлекторно, до хруста в суставах, сжались в кулак, словно ища привычную, тяжёлую рукоять оружия.

— Передайте полковнику, что фантомные цифры я подписывать не буду, — отчеканил Виктор. Голос прозвучал сухо и механически, как удар затвора. — Составьте акт о фактическом отсутствии топлива. Пусть округ разбирается, куда ушли эти тонны.

— Но капитан… — лейтенант побледнел, глядя на Савельева как на сумасшедшего. — Громов же вас сожрёт.

Виктор не ответил. Он резко развернулся и вышел из канцелярии, бросив через плечо:

— Задача ясна? Выполняйте.

Он шёл на плац, зная, что в девять утра начнётся буря. Но кусок старой латуни в нагрудном кармане сейчас холодил его грудь сильнее обычного.

Несмотря на утренний час, летний зной над гарнизоном, казалось, уже достиг своего пика. Чёрный асфальт плаца плавился, источая удушливый, плотный запах смолы и нефтепродуктов, смешанный с запахом горелого масла и отработанного топлива. От казарм слабый ветерок доносил свежий, резкий и немного химический запах мыльной пены и хлорки. Воздух над плацом дрожал и искажался, превращая пространство в раскалённую сковороду, над которой плыли контуры зданий.

На этой сковороде, выстроившись в две шеренги, потели солдаты третьей роты. Но Громов бесновался на своей трибуне вовсе не из-за дизеля – такие вопросы полковник предпочитал не выносить на всеобщее обозрение. Повод был абсурден, как, впрочем, и всегда. Накануне вечером какой-то дневальный, пытаясь освежить расположение, покрасил бордюрный камень у штаба неуставной белильной известью, а остатками серой фасадной краски, найденной в каптёрке.

Громов орал уже минут двадцать. Он был багровым от жары и собственного крика, ворот кителя был расстёгнут, обнажая волосатую грудь, а от всей его грузной фигуры разило смесью дорогого коньяка, пота и парфюма.

— Серость развели! В умах у вас серость! — исходил слюной полковник, размахивая кулаком перед строем. — Рота не способна отличить белый цвет от серого! Савельев, кого ты воспитал? Это не солдаты, это стадо маляров-дегенератов!

Виктор неподвижно стоял в двух шагах позади полковника. Смирно. Руки по швам. На бледном, обветренном лице Виктора не было ни единой капли пота, хотя солнце било ему прямо в глаза. Взгляд светло-голубых глаз зафиксировался в одной точке – на облупившейся красной краске пожарного щита на противоположной стороне плаца.

Для Виктора крик полковника не был оскорблением. Это был фоновый шум, частотный мусор, который нужно просто переждать.

Жёсткий, хрустящий от крахмала воротник рубашки безжалостно врезался в шею, возвращая Савельева в далёкое забайкальское детство. В памяти тотчас ожил ледяной гарнизонный двор, засыпанный колючей крупой, и строгий силуэт отца. Отец никогда не кричал как Громов. Он говорил тихо, но от его слов воздух замерзал в лёгких. Виктор, будучи мелким пацаном, стоял тогда перед ним на ледяном ветру за то, что плохо вычистил затвор старой двустволки. *«Слабость – это дыра в броне, Витя»*, — говорил отец, неторопливо затягивая ремень на руке. — «*Сквозь неё тебя сожрёт тайга. Или люди. Запомни это накрепко*». И Виктор запомнил. Он научился превращать себя в камень.

В строю третьей роты реакция на ор полковника была разной. Молодой призывник из Москвы, стоявший в первой шеренге, испуганно моргал, на его виске быстро пульсировала жилка, а по шее катились крупные капли пота – он искренне боялся трибунала из-за банки серой краски. Рядом с ним старый контрактник, прошедший две командировки, смотрел на

трибуну пустым, стеклянным взглядом, лениво перекатывая во рту сухую травинку – он знал, что крик полковника закончится ровно тогда, когда у того иссякнет коньячный запал. Чуть левее ефрейтор тихо, одними губами, матерился, проклиная и Громова, и нерадивого маляра, и этот плавящийся под ногами асфальт.

Полковник резко развернулся, учащённо дыша и вытирая шею платком.

— Савельев! — рявкнул он, заглядывая капитану в лицо в поисках привычного угоднического испуга, подсознательно отыгрываясь за утренний демарш с дизельными ведомостями.

— Ты меня понял? Контроль за исполнением на тебе. Чтобы к утру у меня эта рота была идеальна! Бордюры обгрызть зубами, но вернуть уставной цвет!

Виктор перевёл взгляд на полковника. Его лицо оставалось гладким и спокойным, как поверхность озёрной воды в штиль. В его голосе не было ни капли иронии, ни капли страха – только чистая уставная функция:

— Так точно, товарищ полковник. Задача ясна. Выполняю.

Виктор повернулся через левое плечо и пошёл прочь от трибуны. Его шаги были размеренными, лёгкими и почти бесшумными, несмотря на тяжёлые армейские берцы.

И вдруг его внутреннее чутьё уловило нечто новое. Воздух вокруг стал не просто липким – он набух, уплотнился до предела, превращаясь в густую ртутную взвесь. Савельев сделал глубокий вдох, но лёгкие встретили странное сопротивление, словно в атмосфере критически не хватало кислорода. Это не было следствием жары. Это было предчувствие. Так дикие звери кожей ощущают приближение тектонического сдвига в глубине планеты за часы до того, как задрожит земля.

Виктор поднял руку к нагрудному карману. Латунный компас прадеда, лежавший у самого сердца, не согревал – напротив, сквозь плотное сукно кителя он обжигал грудь глубоким, плотным холодом. Сердце под латунной пластиной заколотилось в рваном, непривычно частом темпе, казалось, этот кусок старого сплава уже среагировал на космические часы, которые запустили свой обратный отсчёт где-то в зените налитого зноем неба. Натянутые струны эфира вибрировали на пределе возможностей, и Савельев ощущал это глубоко внутри. В его мозгу вспышкой пронеслась мысль: «*Этот давно прогнивший мир долго не протянет. Что-то должно произойти, что-то, что изменит ход событий навсегда*».

Дорога к дому вела через старую просеку, где подмосковный лес подступал к самой границе военного городка. Солнце уже садилось, но это не принесло желанной прохлады; оно превратилось в мутный оловянный диск, застрявший в кронах сосен. Воздух между стволами стоял неподвижно, пропитанный плотной, душной гарью от недалёкого шоссе и приторным, липким запахом цветущей дикой полыни. Виктор шёл медленно, соразмеряя шаг с глубоким, ровным дыханием. Из его головы наконец-то улетучился въедливый коньячный ор полковника Громова, уступив место привычной, холодной тишине.

Капитану было всего тридцать два. Возраст, когда его сверстники в Москве строили карьеры, меняли машины, танцевали с девчонками в клубах и тонули в бесконечной цифровой суете, выстраивая ложное благополучие на экранах своих смартфонов. Виктор смотрел на разбитые бетонные плиты под ногами, сквозь стыки которых упрямо пробивалась жёсткая, опалённая солнцем трава. Его собственная жизнь застыла в этой бетонной колее пять лет назад, после того короткого, как выстрел в упор, рапорта на южной границе. Мнимая безопасность уставного мира, в которой его пытались запереть, трещала под весом собственной лжи. Система, требовавшая красивых цифр вместо живой правды, напоминала огромный, заржавевший механизм, который продолжал крутить шестерёнки вхолостую, перемалывая людей в серую труху.

Савельев поднял взгляд на верхушки сосен. Птицы молчали. В лесу не было слышно ни единого писка, ни шороха – всё живое попряталось в норы, подчиняясь некоему древнему,

невидимому закону. Кожа лица и ладони, обострённо чувствительные к малейшим изменениям плотности пространства, улавливали странное, вибрирующее давление.

В кармане глухо и вязко перекатывался латунный компас, который когда-то передал ему отец. Виктор вспомнил его сухие, пахнущие ружейным маслом и табаком руки. Отец до конца дней верил в нерушимость присяги, в честную землю под ногами и в то, что армия – это единственный надёжный монолит, удерживающий страну от хаоса. Но та страна, за которую проливали кровь его предки в забайкальских сопках, медленно растворялась в бумажных отчётах окружного начальства и в фальшивых ведомостях, и Савельев отчётливо понимал, что старые правила больше не работают. Ложь полковников и воровство снабженцев разъедали структуру быстрее, чем ржавчина точила железо на заброшенных складах части.

Что же делать дальше? Подписать акт на дизель и вернуть себе благосклонность Громова? Стать частью этой послушной массы, которая покорно ждёт, пока система сожрёт остатки его совести?

Внутренний взведённый огонь, запертый в самой глубине его существа, глухо отозвался на эти мысли. Виктор знал лишь одно: он не сломается. Камень не гнётся – он может только расколоться от слишком сильного удара. Правда тому, кто захочет его расколоть, придётся сильно постараться.

Сухая глина

Утро Анны начиналось не со света, а с глухого, вибрирующего удара монастырского колокола, который пробивал сырость полуподвальной кельи ровно в четыре утра. В этой крошечной каморке на троих человек никогда не существовало рассвета.

Анна открыла глаза на своей узкой железной койке, и тут же, не позволяя уму сделать ни одного вольного вздоха, рефлекторно втянула голову в плечи. Её тело, обладавшее редкой, почти нечеловеческой выносливостью камня, не болело после шести часов скудного сна. Жёсткий матрас, туго набитый сухой, колючей соломой, шуршал при каждом движении, напоминая о земном, тленном месте – чтобы плоть не баловалась, чтобы знала свой удел. Аня и не жаловалась, к суровым условиям она давно привыкла. Девушка медленно, будто боясь задеть кого-то, сползла с койки прямо на колени. Колени коснулись холодного кирпича, и пальцы ног инстинктивно поджались от холода, а сама она уже уткнулась лбом в ледяной пол. Анна сжала в кулаке деревянный крестик и зашептала в темноту молитву.

Под самым потолком, на уровне разбитого дворового асфальта, тускло серело единственное узкое окошко. Из него тянуло сухим, въедливым запахом бетона, старого асфальта и прелой майской зеленью – последнее утро весны выдалось неестественно спёртым, душным, будто май никак не мог разродиться спасительной прохладной грозой.

В полумраке каморки едва проглядывалась скудная обстановка: три железные койки, сколоченный из грубых досок, кривой общий комод для белья, три эмалированных таза на полке и колченогий табурет в углу. Известь на стенах местами давно пошла пузырями от подвальной влаги, а свободное пространство над изголовьями было сплошь заклеено дешёвыми бумажными иконками и образками. Со строгих, закопчённых ликов святых на неё смотрел всё тот же парализующий закон тотального контроля, к которому она привыкла с самого детства. Её ум не бунтовал. Напротив, в этой безжалостной структуре правил Анна находила свою ложную безопасность.

Мысли её были дисциплинированными, серыми и ровными, как монастырские коридоры: не опоздать к полунощнице, не разозлить старших, отработать положенные двенадцать часов швейного послушания, не привлекать внимание. Если превратиться в безгласную, жёсткую сухую глину, мир вокруг, возможно, сжалится над ней, а скорее – просто потеряет всякий интерес и перестанет причинять боль.

Она быстро натянула на себя утреннее облачение – застиранную нижнюю рубаху из сурового полотна, шерстяную чёрную юбку до самого пола и громоздкий, бесформенный подрясник из грубого габардина. Этот мёртвый, поглощающий любой свет цвет ткани был идеальным фоном для её нынешней жизни. Одежда полностью стирала контуры молодого девичьего тела, пряча женственность, округлость бёдер и грудь от чужих и собственных глаз. Повязав голову глухим тёмным платком до самых бровей, так что наружу торчал лишь маленький клинышек бледного лба, Анна опустила глаза в пол. Вся её ментальная деятельность сейчас сузилась до беззвучного, механического повторения заученных молитв и оберегов.

Перед тем как выйти за дверь, Анна рефлекторно потянулась рукой под плотный ворот подрясника. Пальцы нащупали маленький, грубо обтёсанный деревянный крестик на простом шнурке. Символ её крайнего смирения скрывал внутри опасную тайну. Крестик был вырезан из куска дикой сливы, сожжённой ударом молнии в её родной кубанской станице. Девушка часто проводила у этого дерева вечера, сидела рядом с ним, будто слива была её единственной подругой, даже сестрой, по несчастью. Ведь душа девушки была подобна этому обгорелому дереву. Одна зола и пепел. Сухота и чернота. Однажды Анна тайно подобрала тот уголёк перед самым побегом из семьи.

Она легонько сжала деревяшку в кулаке. От тепла её ладони сухое, мёртвое дерево вдруг начало едва уловимо, тонко пахнуть едкой гарью, дымом и настоящим, диким костром. На мгновение бледные, иссушенные постом щёки Анны запылали – затухающий, скрытый под пеплом огонь пробивался сквозь кожу против её воли. Ей стало панически страшно от этого живого, тёплого импульса, напоминающего о свободе и страсти. Она испуганно ослабила хватку, загоняя пламя обратно под гнетущий слой мёртвых догм. «*Это грех*, — сказала она себе, — *нельзя о таком думать*». Поправив рукава, она шагнула в холодный и тёмный коридор.

Трапезная монастырского подворья встретила Анну влажной прохладой и тяжёлым неприятным запахом – тошнотворной смесью переваренной капусты, несвежего подсолнечного масла и мокрой половой тряпки. Огромный зал с низкими закопчёнными сводчатыми потолками был заставлен длинными грубо сколоченными столами из потемневшего дуба. За ними в три ряда уже сидели послушницы и трудницы – безмолвное озеро чёрных платков и согнутых спин. Есть полагалось в абсолютном молчании. С деревянной кафедры у стены монотонный, лишённый жизни голос дежурной сестры напевно читал покаянный псалом, и эти сухие, рубленые слова падали в тишину, как увесистые капли известковой воды.

Анна села на край деревянной лавки, стараясь не задеть широкими рукавами соседок. Перед ней опустилась щербатая алюминиевая миска. Завтрак в последний день весны был скудным, монастырским: жидкая серая овсянка на воде без капли масла и кусок липкого ржаного хлеба. Её ладони, опущенные на столешницу, привычно ощутили текстуру дерева – глубоко въевшийся слой многолетнего воска и застывшего жира, который впечатался в волокна дуба намертво. Девушка зачерпнула кашу оловянной ложкой. Еда была едва тёплой, безвкусной, но Анна ела механически, не чувствуя голода или отвращения. Её тело послушно принимало это скудное топливо, как печь, в которую бросают сырые поленья.

Кожа лица и шеи Анны, обостренно чувствительная к малейшим тепловым колебаниям, улавливала внутреннее состояние сидевших рядом девушек. Слева от неё замерла шестнадцатилетняя Дашка – недавняя беглянка из приюта. От девочки исходил нервозный, дрожащий озноб. Её пальцы судорожно мяли хлебный мякиш, превращая его в серый шарик. Анна знала, о чём она думает: Дашка до дрожи тосковала по шумным московским улицам, по ярким вывескам метро, которые видела из окна автобуса. В её душе ещё теплился живой, хаотичный огонек бунта, который она тщетно пыталась залить слезами на ночных молитвах. Анна смотрела на неё с глухой, запертой внутри жалостью. Ей хотелось коснуться руки Дашки, передать ей искорки своего скрытого тепла, но правила строго запрещали любые личные контакты.

Прямо напротив сидела сестра Иустина – старшая швея с жёлтым, пергаментным лицом и пустыми глазами. От швеи веяло могильным, глубоким холодом. Её ум давно превратился в мёртвую, выжженную пустыню, где не осталось ни мыслей, ни желаний – только тупое, бездумное исполнение уставных правил. Анна подсознательно отстранялась от неё, чувствуя, как этот холод пытается дотянуться до её собственного сердца, погасить последние тлеющие угольки.

Тишину трапезной разорвал резкий, скрипучий звук – это Дашка неловко повернулась, задела миску, и её ложка сорвалась с края тарелки, с глухим стуком покатилась по столу, оставляя серый след от каши, и упала, громко звякнула об пол. Чтение псалма на кафедре прервалось.

Над столом выросла грузная, монументальная фигура старшей сестры Назарии. Её тяжёлые шаги отозвались мелкой вибрацией в полу под ногами Анны. Назария остановилась прямо за спиной Даши. В ту же секунду воздух вокруг стола для Анны стал невыносимо густым и удушливым. Казалось, лёгкие девушки забило едким чёрным дымом – она изнутри ощущала волну чужой агрессии и властолюбия, маскирующихся под святость.

— Чего бесчинствуешь, девка? — Назария не кричала, но её низкий, вибрирующий голос заставил Дашку вжать голову в плечи. — Чтение божественное не слушаешь, умом в миру блуждаешь. За помыслами своими сквернымі не следишь, вот враг человеческий тебе руки и ломает.

Монахиня тяжело опустила узловатую, пахнущую хозяйственным мылом ладонь на плечо девушки, заставляя ту пригнуться ещё ниже к миске.

— На коленях у входа стоять будешь до вечернего правила. Без еды и воды. Благословение такое тебе для укрощения плоти твоей нерадивой, и ума очищенье, — пробасила Назария.

Дашка беззвучно всхлипнула, плечи задрожали, из глаз брызнули слёзы, капая прямо в серую овсянку. Внутри Анны в этот миг, под толщей навязанного страха, рванулся вверх горячий, яростный импульс – древняя, детская потребность закрыть собой слабого, крикнуть правду в лицо тирану, как она когда-то пыталась кричать отцу в кубанской станице. Бледная кожа щёк в секунду покрылась лихорадочным, пунцовым румянцем, а сердце отозвалось острой, колющей болью, как если бы туда плеснули кипятком.

Но Анна привычным, жёстким усилием воли подавила этот внутренний бунт. Она хорошо знала: любая попытка защитить – это грех гордыни, который обернётся против неё же. Не твори добра – не получишь зла. Она заставила свой внутренний огонь отступить, засыпала его пеплом покорности. Девушка быстро опустила голову, спрятала дрожащие пальцы в широкие чёрные рукава подрясника и тихо, одними губами, произнесла, как бы извиняясь за Дашку:

— Простите. Виновата. Исправлюсь.

Назария лишь брезгливо скользнула по ней яростным взглядом, но ничего не сказала, и двинулась дальше между столами, грозно посматривая по сторонам. Удушливый дым начал медленно рассеиваться, оставляя во рту Анны горький привкус золы. Она закрыла глаза, сделала глубокий вдох. Убедилась, что огонь внутри и снаружи погашен, выдохнула. Последний день весны продолжил свой ход по незыблемым, жёстким рельсам чужого закона.

Цокольный этаж монастырского подворья никогда не знал настоящего солнечного света. Низкие горизонтальные окошки швейного цеха располагались на самом уровне асфальта, и через них Анна видела только бесконечную суету внешнего мира, суженную до размеров грязных автомобильных колёс и пыльных ботинок прохожих. Снаружи было шумно, но окна были толстые, через них не мог пробиться даже городской гам. Ане всегда казалось, что в этих окошках показывают какое-то дурацкое немое кино – сотни ног неизвестных людей, которые идут неизвестно откуда и неизвестно куда. Утром, днём и вечером. Каждый день. Зато в цеху был звук – монотонный, хищный, непрерывный стрекот десятков швейных машинок, похожий на гул стальной саранчи. Цех дышал спёртым, сухим воздухом, насквозь пропитанным текстильной пылью, запахом машинного масла и дешёвого мыла.

Анна сидела за старым, массивным «Подольском». Чёрный чугунный корпус машинки подрагивал от каждого движения ножной педали, посылая мелкую вибрацию через подошвы прямо в её колени. На ней лежало послушание строчить бесконечные подрясники из плотного сурового сукна.

Пальцы Анны, исколотые и огрубевшие, двигались с феноменальной, автоматической точностью. Ей достаточно было один раз коснуться рулона, чтобы подушечками пальцев безошибочно определить плотность нитей и то, как ткань поведёт себя под иглой. Эта интуитивная память о материи направляла её руки лучше любых линеек. Ткань ложилась под лапку машинки идеально ровно, стежок к стежку. В этом монотонном труде Анна ловила долгожданное оцепенение, уходя вглубь себя и прячась от пугающего, шумного и яркого города за окном.

Под мерный, усыпляющий стук иглы её сознание незаметно соскользнуло назад, в кубанское детство. Но память выхватила не пьяные крики отца, а один из тех редких, благословенных дней, когда дома было тихо. Конец мая в станице. Бесконечное, залитое мягким золотым светом поле за огородами, где не было стен, потолков и удушливого запаха машинного масла. Чистое голубое небо и тёплый, пахнущий цветущим чабрецом и сухой землёй ветерок. Ей тогда было лет семь или восемь. Мама, ещё совсем молодая, со смеющимися глазами, соткала ей из лёгкого ситца простое белое платье. Маленькая Аня бежала по траве, чувствуя, как земля греет её босые пятки, а тело кажется невесомым, словно она порхает над полем. В том дне не было страха, не было чужого осуждения и вечной вины за то, что она просто живёт и радуется солнцу, ветру и поющим птицам. Из открытого окна старого дома доносился мамин голос – она пела тихую, красивую казачью песню, и этот голос был тёплым и нежным, как парное молоко.

— Опять шаг стежка перепутала, недотёпа кубанская! — грубый, скрипучий голос старшей сестры Назарии резко ворвался в сознание, как удар хлыста, выдирая из воспоминаний.

Массивная рука монахини грубо толкнула Анну в плечо, едва не насадив её палец на прыгающую стальную иглу. Ленточная чернота подрясника резко дёрнулась. Назария склонилась над ней, и Анна почувствовала, как воздух вокруг заполнило удушливым, невидимым дымом чужой злобы и раздражения.

— Ткань дорогую перевела, грешница! — гремела над ухом монахиня, тыча пальцем в безупречно ровную строчку, которая показалась ей слишком свободной. — Толку от тебя ни на клиросе, ни в цеху! Тьфу, девка бестолковая, только тело наедаешь на монастырских харчах. Глаза в облаках, а руки из седалища растут!

Анна чуть вздрогнула, но не оторвала взгляда от игольной пластины. Внутри неё, под слоем иссушенной, мёртвой глины, на секунду вспыхнул и тут же испуганно погас горячий, молодой огонь – огонь стыда, дикой обиды и несправедливости. Строчка была идеальной, и Назария это знала. Она просто срывала на послушнице злобу, выводя уже успевшую скопиться за утро желчь. Кожа на бледных щеках Анны отозвалась алым румянцем. Огонь пробивался наружу, требуя защитить себя, сказать хотя бы слово в ответ.

Ей стало панически страшно от этой собственной вспышки. Живые чувства казались ей дьявольским искушением, ведущим прямо в ад. Анна покорно сложила исколотые пальцы на груди, низко склонила голову перед нависшей над ней монахиней, пряча лицо в складках чёрного платка, и тихо, но чётко произнесла:

— Виновата, матушка. Исправлюсь. Простите великодушно, помолитесь за меня, недостойную.

Смесь презрения и отвращения отразилась на лице Назарии, она явно хотела что-то сказать, ещё больнее уколоть Анну, но видимо посчитала, что уже и так потратила слишком много своего драгоценного времени на эту никчёмность, и, отвернувшись, она понесла свою карающую длань дальше по ряду, переключившись на Дашку. Анна не стала слушать брань Назарии. Она сделала глубокий вдох, унимая колющую боль в груди, и снова уткнулась в простран-

ство перед собой, машинально запуская педаль «Подольска». Стальная саранча застрекотала с новой силой.

Глава 4
Прозрачное стекло

В два часа ночи супермаркет «Эконом» на окраине Москвы напоминал холодный, стерильный ад. Под мёртвым и плоским светом длинных люминесцентных ламп всё вокруг казалось ненастоящим, выцветшим и лишённым жизни. Лица редких ночных покупателей, бродивших между бесконечными рядами упаковок, выглядели серыми и застывшими, почти трупными. Они были похожи на потерянные тени, которые меланхолично прогуливаются между прилавками с продуктами в глухом оцепенении.

За кассой сидела девушка – прозрачный фантом в этом огромном, жужжащем проводами мегаполисе. Зелёная форменная жилетка висела на её хрупких плечах, как на вешалке, подчеркивая болезненную худобу. Из безразмерной ткани куртки торчали тонкие, бледные запястья с проступающими синеватыми жилками. Растрёпанные русые волосы непослушными локонами падали на лицо, но сквозь них отчётливо выделялись огромные, испуганные серые глаза. Её блуждающий, тревожный взгляд никогда не задерживался на людях дольше секунды. Руки девушки находились в постоянном, хаотичном движении: пальцы судорожно теребили край дешёвой синтетической ткани, словно искали опору в этом плывущем пространстве.

Её звали Лиза, ей исполнился двадцать один год, и в этой оцифрованной реальности она чувствовала себя пустым местом. Её чистая, тонкая природа физически отталкивала этот бездушный кремниевый мир, который с таким упоением кодировал и загонял в базы данных человеческие жизни. Датчики автоматических дверей в торговых центрах часто просто не срабатывали перед её лицом, беззвучно подтверждая её догадку о том, что она по-настоящему и не существует. Что система просто не хочет её замечать: она, Лиза, для системы – лишь ошибка в коде, погрешность. Сама же Лиза панически боялась цифровых интерфейсов, экранов и компьютеров. От долгого взгляда на монитор у неё начинала кружиться голова, в глазах темнело, а в ушах появлялся противный, высокочастотный шум. Вся система с её учетами и фиксацией означала для неё только одно – опасность, депортацию или клетку.

Удивительная способность полностью растворяться в пространстве и мысленно выключать своё присутствие жила в ней с самого детства. Лиза родилась на Урале, в глухом шахтёрском посёлке, затерянном среди серых терриконов и вечной зимней стужи. Во время дворовых игр в прятки мальчишки с криками проносились в полушаге от неё, задевали ветки куста, но в упор не замечали. Лиза могла просто сесть на ржавую скамейку посреди открытого двора, закрыть глаза, замереть – и люди скользили взглядами мимо, считывая её фигуру как пустое пространство.

Её чистая душа, лишённая эгоистичной брони, безропотно пропускала через себя чужую боль и смерть. В одиннадцать лет, когда у соседа тяжело подыхал старый цепной пёс, Лиза у себя дома внезапно рухнула на пол, у неё резко упало давление и температура – организм ушел в глубокий, похожий на смерть сон, разделив чужой последний вздох. А поздней весной, когда уральские заморозки сбивали перелётных птиц на лету, девочка собрала в подол пальто трёх окоченевших ласточек. Она разложила их на своей груди, укрыла одеялом и всю ночь дышала в такт с ними в темноте, отдавая птицам всё своё человеческое тепло. К утреннему рассвету ласточки ожили, защебетали и улетели через открытое окно.

Москва быстро растоптала эту наивную уральскую веру в тепло и спасение. Лиза приехала в огромный город учиться на библиотечном факультете, надеясь укрыться за тихими стенами из старых бумажных книг. Но мегаполис требовал прописки, денег, наглости и острых зубов. Год назад чёрные риелторы легко обманули наивную провинциалку, подсунув на подпись кабальные документы на микрозайм под залог единственной бабушкиной комнаты в ком-

муналке. Теперь у неё не было ни угла, ни регистрации, зато остался огромный, неподъёмный долг и вечный страх перед полицейскими патрулями.

Лиза сидела на жёстком пластиковом стуле, не поднимая головы. Перед её глазами бесконечной серой лентой двигался резиновый транспортёр, заваленный чужими жизнями, упакованными в яркий полиэтилен. Сканер под стеклом горел ровным, зловещим рубиновым светом. Лиза механически проводила очередной товар над стеклом сканера – *пик… пик…* – мечтая лишь о том, чтобы эта изнурительная ночная смена поскорее закончилась, и она могла бы раствориться в сырой темноте улиц.

Механический, непрерывный писк кассового сканера штрих-кодов ввинчивался прямо в виски Лизы, превращая мысли в тягучую, серую кашу. Чипсы. Пиво. Сигареты. Собачья еда. *Пик...* Каждое движение рук было отточено до автоматизма: перехватить пачку, развернуть этикеткой вниз, дождаться короткого звукового сигнала, сбросить в накопитель. *Пик…* Глаза фиксировали только бесконечные ряды одинаковых пластиковых банок, коробок соков и глянцевых обёрток, от которых рябило в глазах.

Вдоль бескрайних торговых рядов, в белом люминесцентном свете, меланхолично бродили ночные покупатели. Они подолгу застывали перед витринами, где выстроились сотни сортов йогуртов, колбас и сыров. Лизе этот избыток казался пугающим и бессмысленным. В таком хаосе выбора нормальный человек должен был неминуемо сойти с ума, не понимая, какой именно пакет молока ему нужен.

Но хаоса не происходило. За всеми этими растерянными людьми из-под потолка безмолвно наблюдали фиолетовые зрачки умных камер цифровой экосистемы. Каждая транзакция, каждый долгий взгляд покупателя на полку, каждая копейка на скидочной карте улетали в глобальное облако. Программа сама, через умные приложения в телефонах, вела этих людей за руку, выдавая им готовые подсказки. Кому, как ни этой системе, было определять вкусы потребителей, мягко и безошибочно кодируя каждое желание человеческой массы.

К кассе приблизился очередной ночной покупатель – высокий мужчина в дорогом деловом костюме, от которого пахло крепким табаком и тяжёлой офисной усталостью. Он молча выложил на ленту бутылку дорогого виски и пачку тёмного шоколада. Его взгляд был устремлён в экран смартфона, где лениво подмигивал синий интерфейс электронного кошелька.

Лиза взяла бутылку, развернула её наклейкой к рубиновому лучу и плавно провела над стеклом. Тишина. Сканер промолчал. Девушка нахмурилась, вытерла ладонью запотевшее стекло бутылки и провела ещё раз, быстрее. Снова ничего. Лазер безразлично скользил по глянцевой бумаге, не желая считывать чёрно-белые полосы кода.

— Девушка, можно как-то побыстрее? Меня такси у входа ждёт, — процедил покупатель, оторвав взгляд от экрана. Его голос был сухим и холодным. Если бы лампы у потолка могли говорить, у них наверняка был бы именно такой голос.

— Сейчас, извините… — тихо прошептала Лиза.

Она перевернула бутылку вверх дном, попыталась расправить смявшийся край этикетки и опять занесла её над стеклом. Аппарат будто ослеп. Мужчина тяжело, шумно вздохнул сквозь зубы. Его нарастающее раздражение – липкая волна чужой злобы, будто ударило Лизу прямо в грудь. В ушах у девушки тут же возник тонкий, противный писк, а к горлу подступил тошнотворный металлический привкус. Руки предательски задрожали. Внутри зашевелилась глухая паника, к глазам подступили слёзы, а пальцы стали деревянными, непослушными. Она тёрла и тёрла злосчастную бутылку о стекло, но конвейер Системы заклинило намертво.

— Да что вы там копаетесь? — уже не скрывая ярости, прикрикнул мужчина, нависая над кассой всей своей массивной фигурой. — Вы код вбить вручную способны или вас даже этому не учили? Я за что вообще деньги плачу?

У Лизы перед глазами всё поплыло. Очертания кассы, стеллажей и самого покупателя стали жидкими, превращаясь в колеблющиеся грязные пятна. По лбу скатился холодный пот,

на шее выступили неровные красные пятна. Ей казалось, что, если этот сканер прямо сейчас не пискнет, её просто разорвёт изнутри или она бесследно исчезнет под этим злым, уничтожающим взглядом. Она судорожно, до белизны в ногтях, вцепилась пальцами в пластиковое горлышко, почти паникуя и готовая разрыдаться прямо под прицелом равнодушных камер.

— Простите… Сейчас, я сейчас… — сбивчиво, нервно зачастила Лиза, окончательно теряя контроль над собой и вжимая голову в зелёную ткань жилетки. Она судорожно занесла бутылку в очередной раз, моля вселенную об одном: чтобы эта бездушная машина наконец-то сжалилась над ней.

В самый последний момент, когда воздух вокруг кассы, казалось, раскалился до предела, рубиновый луч сканера наконец наткнулся на нужную грань. Глухой зал супермаркета прорезал спасительный, резкий звук – *пик*… Мужчина брезгливо, с силой припечатал свой смартфон к чёрному квадрату терминала, схватил бутылку и шоколад с ленты, и быстро, не оборачиваясь, зашагал к выходу. Стеклянные створки послушно распахнулись перед ним.

Лиза печально, сквозь слёзы посмотрела ему вслед. В её огромных серых глазах застыло отражение удаляющейся мужской спины – ещё одного человека, для которого она была лишь безликим, раздражающим придатком к кассовому аппарату. Системный конвейер снова заработал, переварив очередного ночного прохожего, а Лизе хотелось только одного – сжаться в точку и полностью исчезнуть из этой цифровой коробки.

Она встала со стула, едва удерживая равновесие на затёкших ногах, чтобы сдать смену напарнице Тамаре. Тамара, плотная, сильно накрашенная женщина с обесцвеченными волосами, подошла к кассе ленивой хозяйской походкой. На её лице, замазанном толстым слоем дешёвого тонального крема, читалось привычное превосходство москвички над забитой провинциалкой. Она брезгливо оглядела Лизину растрёпанную чёлку, помятую жилетку и дрожащие пальцы.

— Опять очередь собрала, копуша? — Тамара шумно выдохнула, садясь на рабочее место и скрещивая руки на груди. — Ты так до утра возиться будешь. На сканер смотреть надо, а не в облаках витать. Что там с ведомостью? Опять небось копейки не бьются?

— Всё… всё сходится, Тамар, — тихо, почти беззвучно ответила Лиза, убирая руки в глубокие карманы жилетки, чтобы скрыть непрекращающуюся дрожь в пальцах. — Я сдала смену в систему. Проверь.

Тамара лениво клацнула мышкой, сверяя цифровой отчёт на мониторе, и высокомерно хмыкнула:

— Ладно, катись уже, привидение. Паспорт-то свой нашла, или так и будешь без регистрации от каждого мента по углам шкериться? Смотри, директор узнает, что у тебя долги у приставов и прописки нет, – вылетишь отсюда в один день без расчёта. Кому ты тут нужна, бездомная?

Лиза ничего не ответила. Этот короткий диалог, повторявшийся почти каждую ночь, идеально отражал всю её нынешнюю жизнь в мегаполисе – существование бесправного, пугливого «приёмыша», у которого отобрали всё, даже право на собственное имя. Она молча стянула с хрупких плеч жилетку, оставив её на стуле в подсобке, и вышла через служебный ход на ночную улицу.

Окраина ночной Москвы окутала её душным, липким маревом уходящего мая. Огромный мегаполис не спал, он глухо, непрерывно жужжал миллионами проводов, кондиционеров и вышек связи, высасывая из тёмного неба последние капли свежести.

Жёлтый, ядовитый свет натриевых фонарей разрезал асфальт на резкие, грязные полосы. Редкие машины с резким свистом проносились по многополосному шоссе вдалеке, оставляя за собой шлейф бензиновой гари. Лиза медленно шла по тротуару, и серый асфальт под её кедами казался зыбучим песком – ненастоящей, временной декорацией, готовой в любую секунду раствориться в пустоте. Город давил на её плечи своей кремниевой бездушной массой, но Лизе

ничего не оставалось, кроме как идти вперёд, к своему сырому полуподвалу, бережно сжимая в кармане старый детский калейдоскоп – единственный осколок её разбитой, но ещё живой души.

Полуподвальная комната на окраине встретила Лизу привычным запахом влажной извёстки, застоявшейся дождевой воды и горьковатой типографской краски. Окно, расположенное на уровне земли, было приоткрыто. Через узкую щель в каморку долетал глухой, грязный шум ночного шоссе и шелест пыльной майской травы, растущей у самого фундамента.

Лиза стянула с себя старые кеды, размяла пальцы. По ногам сразу разлилась приятная прохлада, пошла к матрасу, разложенному прямо на полу. В углу, в щербатых пластиковых горшках, выстроились спасённые ею друзья – чахлые герани и сухие фикусы, которые директор «Эконома» приказал выбросить. Здесь, в сырости подвала, они каким-то чудом пускали нежные зелёные стрелки. Лиза часами просто сидела рядом с ними в абсолютной тишине, делясь своим чистым, тихим дыханием, и растения отвечали ей взаимностью.

На стыке обоев проступали тёмные пятна сырости, но для Лизы эта комната была единственной зоной безопасности во всём огромном, враждебном городе. На старой электрической плитке, которая лениво гудела и от которой шёл запах сгоревшей проводки, уже закипал маленький закопчённый ковшик. Её сожительница, такая же забитая беженка из приграничья по имени Катя, молча бросила в кипяток две пачки дешёвой лапши. Екатерина была ненамного старше, но её лицо уже покрылось сеткой ранних морщин от постоянного страха перед депортацией, а взгляд выражал тупую, покорную усталость человека, у которого отняли и прошлое, и будущее.

— Опять Тамарка лаялась? — тихо спросила Катя, не поворачивая головы и раскладывая желтоватую дымящуюся массу по двум пластиковым тарелкам.

— Как всегда, — Лиза села на край матраса, поджав ноги под старое пальто, заменявшее ей одеяло. — Говорит, без прописки и с долгами меня в любой момент вышвырнут. Говорит, я никто. Пустое место.

Подруга горько усмехнулась, протягивая ей щербатую кружку с остывшим зелёным чаем без сахара. Девушки ели в полумраке, экономя электричество. Каждая ложка этой пустой еды казалась Лизе безвкусной, но тело послушно принимало скудное топливо.

— А кто здесь, кто, Лизка? — Катя уставилась в стену, лениво ковыряя вилкой в тарелке. — Вон, погляди в окно. Город светится, машины умные ездят, у всех телефоны модные. Люди думают, что они живут, планы строят, деньги копят. А чуть шаг в сторону сделают – их Система в лагерь упакует, или чип заблокирует, и всё, нету человека. В чём смысл то – так корячиться? Ради чего терпеть этот ад каждый день? Чтобы просто сытым доползти до кровати?

Лиза замерла с кружкой в руках. В её уме, лишённом эгоизма, эти слова отозвались глухой, тягучей болью. Но вместо паники внутри неё шевельнулось что-то очень чистое, бережно хранимое в самом потаённом уголке души.

— Не знаю, Кать, — тихо, почти беззвучно произнесла она, глядя на пускающий новый лист фикус в углу. — Мне кажется, смысл в том, чтобы просто остаться живой. Не стать механической, как их машины и компьютеры. Вот книжки бумажные… в них ведь чья-то душа осталась. Они шероховатые, настоящие, пахнут. Или птицы, цветы эти. Если мы перестанем их замечать и спасать, то нас и правда нигде не будет. Система нас проглотит и не заметит. Нужно просто делиться теплом, пока оно есть внутри.

Катя лишь покачала головой и тяжело вздохнула, посчитав её слова глупыми девичьими фантазиями, отставила тарелку и легла на свою кушетку, отвернувшись к стене. Уже через пару минут её дыхание стало глубоким и ровным.

Лиза осталась одна в круге слабого света от уличного фонаря. Она достала из кармана свой затёртый до дыр пластмассовый калейдоскоп. Девушка поднесла трубку к глазу и слегка повернула. Разноцветные стёклышки со звуком лёгкого шуршания сложились в новый, непо-

вторимый, тут же разрушающийся узор. В этом цветном хаосе Лиза видела отражение собственной души – калейдоскоп разбитых стихий, которые никак не могли собраться в единую, прочную картину. У неё не было будущего, не было плана на завтрашний день, только огромный долг и страх. Её личность не имела прочного фундамента, но в этой пустоте жила готовность принять любой удар судьбы.

Девушка легла на спину, натянув огромное чужое пальто до самого подбородка. Её блуждающий взгляд зафиксировался на полоске чёрного московского неба за узким окном. Воздух в комнате вдруг стал покалывать кожу, как перед сильнейшей грозой, заставив пожелтевшие страницы раскрытого томика Ахматовой на полу едва заметно, сухо зашелестеть. Из темноты далёкого перегона донёсся и тут же пропал глухой, тектонический стук колёс ночного поезда.

Внезапно её старый кнопочный телефон, лежавший на тумбочке, издал три коротких сухих писка, совсем как сканер в магазине, и выключился, хотя батарея была полной. И в ту же секунду в груди у Лизы резко, болезненно укололо. Сердце заколотилось в бешеном ритме, щёки густо покраснели. Её душа – чистый, незащищённый сосуд, уловила первое предупреждение вселенной. Сквозь вечную городскую гарь и смог на небе между бетонными многоэтажками пробился странный, яркий, немигающий свет далеких звёзд. Лиза испуганно прижала ладонь к сердцу, чувствуя, как по невидимым проводам вселенной прошла тектоническая волна. Девушка закрыла глаза, пытаясь унять стук сердца, и не заметила, как провалилась в глубокий сон без сновидений.

Лесная пчела

Утро Майи разворачивалось медленно, выплывая из глухой лесной темноты по правилам сурового, векового покоя. В четыре тридцать утра подмосковный бор стоял абсолютно неподвижно, словно заспиртованный в густой, липкой смоле старых елей. Воздух между стволами был зажат удушливым зноем уходящего мая и тяжестью налитого предгрозовыми облаками неба. Здесь, на далёкой периферии лесного массива, время текло иначе, казалось, оно застревало в хвое, теряя свою безумную городскую скорость.

В рублёной бревенчатой избушке пахло высушенными травами, древесной корой и остывшей глиняной печью. В этом пространстве не существовало электричества, не было ни одного куска пластика, ни одного провода, перерезающего стены. Только шершавые, массивные сосновые брёвна, бережно хранившие ночную прохладу.

Майе было двадцать четыре. Последние три года она жила здесь, в глухой, изолированной от внешнего мира эко-общине, добровольно заперев себя за плотным частоколом из веток, трав и полного отрицания цивилизации. Она была дочерью известных московских учёных-биологов и всё своё детство провела в бесконечных экспедициях по дикой тайге и суровому Алтаю. Лес всегда был её единственным настоящим домом, пока однажды бездушная цифра не перечеркнула всё. Ей исполнилось всего семь лет, когда в глухой заимке во время бурана сломался спутниковый навигатор – техника выдала ложный трек, связь исчезла, и мать замёрзла насмерть, так и не дождавшись помощи. Отец после этого сломался, превратив свою жизнь в безвылазный, запойный автоматизм цифровых отчётов в стенах московского НИИ.

Майя выросла с железной, въевшейся под кожу установкой: технологии – это бездушные убийцы, ржавчина, высасывающая из людей остатки душ. На третьем курсе института ландшафтного дизайна в Москве её внутреннее дерево окончательно окостенело. Когда застройщики потребовали спилить вековой дуб ради строительства очередной «умной» парковки с камерами распознавания лиц, она устроила громкий скандал, швырнула свой дорогой смартфон в мутную воду реки и навсегда ушла из города. Здесь, в лесу, она стала травницей, духовным отличником общины. Но её любовь к природе со временем мутировала в фанатичное, холодное и глухое презрение ко всем технологиям. Она выстроила вокруг себя иллюзию при-

родной чистоты, считая всех горожан грязными цифровыми зомби, чьи мозги были заражены кремниевой плесенью.

Девушка открыла глаза и без единого лишнего движения спустила ноги с жёстких деревянных нар. Ступни её, огрубевшие, мозолистые и привыкшие к любым поверхностям, коснулись нестроганых половых досок. Брёвна ещё хранили ночную прохладу, а через подошвы в ноги вдруг ударил неестественный, сухой подземный жар. Майя замерла, закрыв глаза. Девушка привычно направила внимание на землю под ногами, так она делала каждое утро, улавливая пульс планеты. Но сегодня земля под избушкой вела себя неправильно. Вместо привычного, глубокого и убаюкивающего гула она содрогалась от мелкой, сухой дрожи. Майе показалось, что корни леса пытаются судорожно сжаться, зарыться как можно глубже в недра от надвигающейся, невидимой беды сверху.

Она встала и натянула на голое тело длинную, плотную рубаху из грубого, неокрашенного льна, которая пахла мёдом и сухой травой. Эта жесткая ткань не маскировала изгибы молодого тела, а связывала её с лесом, превращая в часть дикого подлеска. На бледном, красивом лице Майи застыло привычное холодное и гордое выражение превосходства. Направляясь к выходу, она думала о миллионах людей в Москве, которые прямо сейчас просыпаются по сигналу бездушных будильников в своих бетонных коробках-клетках под объективами умных камер. К ним не было жалости, лишь ледяное высокомерие человека, успевшего в последний момент выскочить из капкана.

Майя толкнула массивную деревянную дверь и вышла на крыльцо босиком. Последнее утро весны встретило её неестественной, пугающей тишиной. Птицы молчали. В кронах деревьев не было слышно ни единого писка, ни шороха, будто всё живое предчувствовало катастрофу и затаилось в глубоких норах. Острая, сухая хвоя под ногами покалывала кожу, но не приносила привычного успокоения.

Вдруг её слух насквозь прорезал невидимый, физически невыносимый, высокочастотный зуммер, а на языке осел кислый, тошнотворный привкус. Воздух стал плотным, как глина. Сквозь стену леса, со стороны далёкого военного городка и шоссе, пробивалось электромагнитное излучение от новых вышек связи, которые Система стягивала вокруг их общины, подобно удавке. Цифра подползала слишком близко.

Тело Майи среагировало на источник искусственного шума: пульс резко участился, а пальцы рук рефлекторно скрючились, превращаясь в когтистые, ощетинившиеся ветки сухого дерева, готовые нанести удар. На поясе в кожаных ножнах покоился старый дедовский нож с рукоятью из кости марала. Майя опустила ладонь на гладкую, отполированную тысячами прикосновений кость. Пальцы крепко сжали рукоять. Тёмная углеродистая сталь лезвия, которую она правила только вручную на речном камне, была её главным инструментом.

— Кремниевая плесень долго не живёт, — зло процедила она сквозь зубы в сторону невидимого мегаполиса.

Когда Майя управилась с делами, полдень превратил подмосковный бор в сплошное марево, пахнущее раскалённой сосновой корой, сухой хвоей и горькой, удушливой пылью дикой полыни. Воздух над лесом дрожал и искажался, как над печкой, размывая контуры вековых деревьев. Майя шла по едва заметной звериной тропе, углубляясь в самую чащу леса. Солнце стояло в зените, но его свет казался грязным, мутно-жёлтым, застрявшим в густой взвеси высотного смога, принесенного ветром со стороны мегаполиса.

Она двигалась с кошачьей пластикой, мягко переступая босыми ногами по острой хвое, сухим сучкам и растрескавшейся от зноя глинистой почве. Кожа её ступней считывала малейшие изменения плотности подлеска, но сегодня земля не дарила силы. Она была сухой, как старая кость, и горячей, казалось, под ней медленно закипал невидимый подземный огонь. Вегетативный резонанс, связывавший Майю с биосферой, приносил лишь глухую, давящую

тревогу: корни столетних елей стояли сухими, соки в стволах двигались вяло и неохотно, будто превратившись в густой дёготь. Лес задыхался.

В холщовой сумке через плечо лежали пучки собранного чистотела и зверобоя, но даже их листья были вялыми, скрученными в тугие трубочки, будто трава пыталась спрятать себя от давящей полуденной жары. На краю Чёрного болота, где обычно пахло прелой влагой и сладковатым багульником, Майя встретила Егора – плотника из их общины. Он стоял у поваленной бурей осины, вытирая пот со лба грязным рукавом полотняной рубахи. У его ног валялась новенькая бензопила с сочным оранжевым пластиковым корпусом, от пилы несло ядовитым перегаром бензина и машинного масла. Этот запах в чистом лесу показался Майе настоящим кощунством.

— Не заводится, Майя, — хмуро бросил Егор, дёргая за шнур стартера. Механизм выдал короткий, захлебывающийся металлический кашель и снова затих. — Искра есть, бак полный, а не подхватывает. Будто воздух выгорел весь. Придется за свечами идти, к городским на заправку…

Майя остановилась в трёх шагах от него, и её тело напряглось, как натянутый лук. Она замерла, широко расставив босые ноги и вдавив пятки в сухую землю. Одно лишь упоминание о городских, о бензиновой гари и пластиковом мусоре вызвало в ней волну холодного, яростного презрения. В её уме не было места компромиссам. Она была духовным отличником этого леса, и любая слабость единоверцев казалась ей предательством в чистом виде.

— Брось её в болото, — холодно, без единой капли сострадания отрезала Майя. Голос прозвучал сухо, как треск ломающейся сухой ветки. — Лес сам отторгает твою железную гниль, Егор. Забыл, зачем мы ушли из города? Чтобы снова кланяться их заправкам? Руби топором. Руки есть – кость выдержит. А кремниевая плесень долго не живёт. Вон – она уже дохнет, прямо у тебя под ногами.

Егор удивлённо и обиженно посмотрел на травницу, но Майя уже повернулась к нему спиной. Ей не было дела до его усталости или сломанного инструмента. Она чувствовала, как высокочастотный, давящий писк в ушах, не утихавший с самого утра, начинает нарастать, превращаясь в плотную, вибрирующую стену. Металлический привкус на языке стал невыносимо острым, будто она сосала ржавый гвоздь. Это новые вышки связи на шоссе работали на пределе своих цифровых мощностей, пытаясь продавить своим излучением плотный лесной купол.

Майя опустила руку на пояс, нащупывая костяную рукоять дедовского ножа. Кость марала была прохладной, а тёмное кованое лезвие внутри кожаных ножен налилось чугунной тяжестью. Натянутая струна эфира между небом и землёй звенела всё тоньше, и Майя, вдыхая сухой, пахнущий гарью воздух, знала: этот день не принесёт ничего хорошего для глянцевого, скованного проводами мира за чертой леса.

После полудня, когда зной окончательно высушил воздух до состояния прокалённой глины, Майя сидела на пороге своей крошечной избушки у самого подножия раскидистой столетней ели. Внутри общины «Зелёный Заслон» время не шло, а стояло густым, неподвижным киселём, запертым за высоким, почерневшим от дождей бревенчатым частоколом. Из глубины ельника тянуло тяжёлым, сладковатым запахом болотного мха и прелого листа.

В руках Майя держала свой нож. Перед ней на коленях покоилась увесистая, уродливая коряга – высохший, скрученный корень ели, пострадавшей от удара весенней молнии. Травница никогда не губила живые растения, не срезала сочные ветви. Она занималась тем, что называла про себя «живой анатомией» – выискивала на дальних просеках омертвевшие обломки и бережно, слой за слоем, снимала с них кору и верхние сухие волокна, освобождая скрытую внутри форму.

Под длинными, чуткими пальцами Майи скрюченная древесина постепенно истончалась, обнажая лёгкий изгиб, напоминающий крыло летящей ласточки. Лезвие ножа с тихим, сухим

хрустом срезало лишние щепки. В этом монотонном движении рук Майя находила покой и пряталась от своего прошлого.

Каждый срез возвращал её мысли на пять лет назад, в душную, залитую белым флуоресцентным светом аудиторию московского института ландшафтного дизайна. Перед глазами до сих пор стоял холёный профессор с глянцевым планшетом и жёстким требованием: «*Майя, ну это же какой-то хаос. А нам нужна симметрия. Нужно спилить этот чертов дуб, он ломает всю геометрию парковки. Мы заменим его световой инсталляцией из нержавеющей стали*».

Внутри неё тогда всё закричало от негодования. Загонять живую плоть земли в жёсткие рамки асфальта, стричь деревья под линейку и заливать химией капризную траву ради прихоти богачей казалось ей настоящим насилием над природой. Город с его бесконечными вышками связи, камерами распознавания лиц и роботами, представлялся Майе огромной, хищной машиной, высасывающей из людей души. В тот же вечер она навсегда ушла из института, за деревянный забор, выстроив вокруг себя иллюзию природной безопасности.

Майя провела ладонью по гладкой костяной рукояти ножа, чувствуя, как углеродистая сталь лезвия едва заметно вибрирует. Вокруг избушки, несмотря на разгар дня, вдруг воцарилась странная, пугающая неподвижность. Птицы в кронах елей резко, в одну секунду, перестали возиться. Прервался хор насекомых. Воздух стал настолько густым, что в лёгких появилось ощущение удушья, а уши снова зафиксировали тот тонкий, высокочастотный писк, шедший со стороны города. Майя сощурила зелёные глаза, глядя на частокол, земля под ногами замерла, готовясь к отчаянному прыжку в неизвестность.

Цифровые люди

Мир за пределами Башни «Федерация» был до отвращения грязным. Максим почувствовал это, едва переступив порог герметичного стеклянного шлюза на первом этаже. Стоило дверям разъехаться, как в лицо ударил тяжёлый городской смрад, замешанный на выхлопных газах, парах дешёвого уличного фастфуда и чужом дыхании. Мириады невидимых глазу бактерий, чешуек отшелушившейся человеческой кожи и молекул пота кружились в этом супе, стремясь осесть на его безупречно отглаженном воротнике, забиться под ногти, оставить невидимые, склизкие следы на лице и ладонях.

Максим сделал короткий вдох через рот, и быстрым, отточенным движением извлёк из правого кармана брюк флакон с антисептиком. Щелчок крышки. Прозрачная капля упала на ладонь, обдав ноздри резким, спасительным запахом изопропилового спирта. Со скрипом, до побеления суставов он растёр жидкость по коже, вымывая саму мысль о прикосновении к внешнему миру. Для Максима чистота была не просто гигиеной. Она была единственной доступной формой обороны.

Когда тебе двенадцать, а твоя вселенная ограничена тридцатью квадратными метрами депрессивной хрущёвки на окраине засыпанного угольной пылью промышленного городка, у тебя не так уж много вариантов спасения. Максим до сих пор помнил удушливый, сладковатый запах перегара, исходивший от отца, липкую клеёнку на кухонном столе, покрытую жирными пятнами, и непредсказуемые, дикие вспышки домашнего насилия, которые невозможно было просчитать. С тех пор грязь и хаос ассоциировались у него со смертью. Его первым личным щитом тогда стали старая зубная щётка, которой он по ночам драил свои пластиковые игрушки, и допотопный монитор с бегущими строчками простейшего кода. В коде не было запахов. В коде не было пьяных криков. Там царил простой, понятный закон логики и цифр.

Он спрятал флакон и подошёл к турникетам. Навстречу, фыркая и отдуваясь, двигался курьер в пропотевшей оранжевой куртке, прижимая к животу термосумку с чьим-то обедом.

Максим рефлекторно отшатнулся назад, кривя губы в брезгливой гримасе.

— Погрешность… — едва слышно выдохнул он сквозь зубы.

Эти люди, развозящие углеводы в пластиковых контейнерах, казались ему низшей формой биологического существования – хаотичными частицами, которые лишь засоряли идеальные коридоры Сити. Он старался не смотреть им в глаза. Смотреть в глаза доставщику еды означало признать его равенство, а Максим твердо знал: он стоит гораздо выше. Он был тем, кто лично полировал разум самой «Матери».

Датчик биометрии на турникете пикнул, считывая сетчатку глаз, и стеклянные створки распахнулись с мягким, металлическим скрежетом. Максим вошёл в холл башни Сити.

Звук лифта для него был чистой симфонией. Его внутренний компилятор переводил звуки и цифры в осязаемые образы. Коды «Матери» представали перед внутренним взором Максима бесконечными фракталами из полированной зеркальной стали, идеально пригнанные друг к другу. Правильно написанная функция ощущалась на ощупь как прохладное, безупречно гладкое стекло. Но стоило в синтаксис закрасться ошибке, как в сознании Максима фрактал покрывался ржавчиной, а в ушах начинал стоять невыносимый царапающий скрежет, словно ржавым гвоздём с силой вели по стеклу автомобиля.

Он зашёл в кабину скоростного лифта. Кроме него внутри никого не было, и это принесло мимолётное облегчение. Нажав кнопку сорокового этажа через платок, Максим уставился на зеркальную стену. Плечи зажаты, шея напряжена, губы сжаты.

Сегодняшний день должен стать триумфом его математической модели. Последние три месяца Максим практически не спал, существуя на энергетиках и стерильных сухих пайках. Он вручную переписывал узлы ядра «Матери». По его расчётам – детальным, проверенным через сотни симуляций, завтра, в 04:12 утра, квантовая Сеть должна завершить калибровку основного глобального фрактала. ИИ выйдет на новый уровень автономности. В его коде ошибок не было. Это будет прорыв века.

Лифт утробно ухнул, закладывая уши, и стремительно понёс его вверх, отрывая от грязного низа мегаполиса. С каждым этажом внутри Максима крепла уверенность. Там, наверху, на сороковом этаже, его ждал старший вице-президент Кислый. Человек – воплощение корпорации. Фигура, перед которой Максим испытывал благоговейный, до сухости в горле, страх. Начальство было для него наместником цифрового бога, и получить от них скупое «Принято в продакшн» означало получить высшее одобрение, практически санкцию на существование.

Кабина замерла. Двери разъехались. Сороковой этаж встретил Максима непривычной, пугающей тишиной.

Обычно здесь стоял ровный, деловой гул: стук дорогих туфель по керамограниту, приглушённые звонки селекторов, сухой шелест распечатываемых отчетов, гудение компьютеров. Но сейчас в коридорах не было ни души. Металлическая фурнитура дверей отливала холодным неоном, матовые перегородки разделяли пространство на пустые сектора.

Максим нахмурился. Он вытянул шею, затаив дыхание и пытаясь уловить присутствие руководителей по звуку. Сделал несколько шагов по направлению к приёмной Кислого. Его шаги, быстрые и чёткие, показались в пустом помещении слишком громкими.

Обед. Великая кремниевая эволюция, запуск которой Максим рассчитал до миллисекунды, наткнулась на непреодолимое биологическое препятствие. Старший вице-президент, его референты, аналитики департамента и даже секретарши на ресепшене – все они просто встали и ушли набивать свои желудки органической массой. Они оставили терминалы, транслирующие идеальные, меняющиеся в реальном времени графики «Матери», без присмотра просто потому, что у них наступил обед по расписанию.

Максим приблизился к пустой стойке администратора. На безупречно чистом белом мраморе сиротливо лежал забытый кем-то блокнот и шариковая ручка. На глянцевом корпусе ручки отчётливо виднелся жирный отпечаток чьего-то пальца.

Максима передёрнуло. Физическая боль от несовершенства этого мира на секунду ослепила его. Он достал салфетку, брезгливо подцепил ручку и зло швырнул её в урну под столом.

— Идиоты, — процедил он сквозь зубы, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. — Рабы. Моя система пытается дышать, а они ушли брюхо набивать.

Он стоял в одиночестве посреди этого стерильного храма цифры. Прижав к груди планшет с расчётами, Максим подошёл к панорамному окну, выходящему на запад.

Отсюда, с высоты сорокового этажа, Москва казалась безупречной. Огромная, сложная печатная плата, по которой ровными рядами двигались светодиоды автомобилей и текли электроны людей. В этой геометрии не было видно грязи Кузьминок или убожества окраин. Всё было подчинено единому ритму, единой логике, которые координировала «Мать». Максим прижал лоб к холодному стеклу, завороженно глядя, как неоновые фракталы Сети опутывают город. Это был его мир. Мир, где математика заменила хаос.

В четырёх километрах к западу от Москва-Сити, грохоча по старым стальным стыкам окружной железной дороги, полз пассажирский поезд. В одном из его вагонов у окна сидел мужчина с пустым, тихим взглядом, а в его кармане лежала старая пятиконечная звезда из потемневшего металла. Поезд разрезал пространство промзоны, двигаясь по своему маршруту, и невидимая волна резонанса расходилась от него во все стороны, как круги по воде.

Максим продолжал смотреть на город-схему, когда внутри его пиджака, в глубоком кармане, что-то коротко и сухо звякнуло.

Этот звук заставил его застыть. Там, вшитая в подкладку, лежала его самая первая флэшка. Дешёвый серый пластик на два гигабайта со стёртым логотипом. На ней не было рабочего материала. Там хранились его первые детские строчки кода – кривые, наивные, написанные в тёмной комнате под крики пьяного отца, когда он впервые нащупал свой путь к спасению. Металлический коннектор накопителя за годы отполировался до зеркального блеска.

Внезапно ткань пиджака у самой груди прошила яростная, ледяная судорога.

Максим охнул, отшатнувшись от окна. Планшет выскользнул из рук. Флэшка налилась таким нечеловеческим, космическим холодом, словно превратилась в кусок сухого льда. Этот холод пробил рубашку, коснулся кожи и резкой, колющей болью отозвался в рёбрах.

Судорожно запустив пальцы в карман, он выдернул флэшку. Пластик и полированный металл коннектора побелели, покрывшись тонким слоем инея. От флэшки физически веяло стужей.

— Это... нелогично, — испуганно прошептал Максим, чувствуя, как внутри его существа что-то со скрежетом, нехотя провернулось.

Он обернулся к мониторам офиса. И в ту же секунду идеальные фракталы «Матери» содрогнулись, по экранам пробежала рябь. Безупречные зеркальные линии кода на мгновение подёрнулись ржавой, грязной сеткой. В голове этот сбой отозвался оглушительным, невыносимым звуком – будто кто-то грязной наждачной бумагой скрёб внутри его черепа.

Голова закружилась. Максим зажмурился, прижал ладони к вискам и пошатнулся.

А уже через секунду всё исчезло. Мониторы снова транслировали чистый синтаксис, графики выровнялись, а датчики Сети послушно зафиксировали мимолётную, исчезающе малую погрешность в пределах допустимой нормы. Но флэшка в его руке всё еще оставалась холодной.

Максим стоял посреди пустой приёмной, судорожно хватая ртом воздух. Его вечно зажатые плечи мелко подрагивали. Ум лихорадочно пытался выстроить логическую цепочку, просчитать процент вероятности такого сбоя, найти техническое объяснение – электромагнитная наводка, статика, дефект матрицы... Но математика молчала. Она не могла объяснить, почему накопитель в его руке так среагировал на секундное колебание пространства.

Он посмотрел на разбитый планшет у своих ног. На глянцевое стекло, покрытое паутиной трещин. На пустые коридоры сорокового этажа, где за блеском стекла и хрома скрывался тёмный, глухой тупик.

Впервые в жизни идеальный цифровой мир показался Максиму не убежищем, а холодной, бездушной клеткой, в которую он сам себя запер. Под кожей ворохнулся липкий, первобытный страх хаоса.

Максим сжимал устройство в кулаке. Металл был настолько холодным, что пальцы слегка онемели. Он посмотрел сквозь панорамное стекло вниз на гудящую Москву – безупречную, светящуюся миллионами неоновых капилляров, живущую по алгоритмам, которые он сам помогал настраивать. Но идеальная геометрия Сити вдруг показалась ему... чужой и отталкивающей. Максим всегда гордился своей эмоциональной глухотой, считая её высшей формой развития. Но сейчас, глядя на ровные строчки кода на мониторах, он впервые ощутил не гордость, а тошноту. Цифра была мертва. Ему вдруг до дрожи в коленях захотелось коснуться чего-то грязного, живого, несовершенного. Чего-то, что нельзя просчитать и перевести в код.

Глава 5
Виктор. Вечер.

Съёмная однокомнатная квартира на четвёртом этаже встретила капитана пустой, безличной тишиной. Здесь не было домашнего уюта, следов чужого присутствия или привычного человеческого тепла. Пахло старым деревом оконных рам и холодным линолеумом. Виктор сознательно выхолостил это пространство, превратив его в продолжение своей казарменной жизни – в зону контроля, где хаос внешнего мира терял силу.

На деревянном кухонном столе лежала одинокая разделочная доска, на которой строго параллельно краю покоился один-единственный нож. В шкафу вещи были разложены с маниакальной точностью: уставные рубашки – к рубашкам, камуфляж – к камуфляжу. Цвет к цвету, плотность к плотности. Организация пространства была его единственным способом удерживать контроль над собственной жизнью.

Виктор не стал включать верхний свет. Бледное, мутно-розовое зарево от далёкого шоссе едва пробивалось сквозь плотные шторы, разрезая комнату на резкие, угловатые тени. Он щёлкнул тумблером старой настольной лампы. Светильник на секунду задумался, выдав странный, тягучий гул, будто ток в проводах стал вязким, а затем лампочка выхватила ровный жёлтый круг на матовой поверхности письменного стола.

Савельев сел на жёсткий стул с прямой деревянной спинкой. Снял портупею, достал из кобуры свой табельный пистолет Макарова и положил перед собой. Оружие было тёплым от его собственного тела, в отличие от компаса прадеда, который Виктор выложил следом. Старая латунь на столе отдавала холодом.

Капитан закрыл глаза. Сделал глубокий вдох, выдыхая остатки плавящегося плаца, и опустил веки. Дальше он действовал в полной темноте. Пальцы, помнившие вес и текстуру металла, двигались сами, без участия ума. В тишине пустой квартиры звуки разборки пистолета зазвучали как сухая механическая музыка.

Щелчок. Металлически отошла вниз спусковая скоба.

Скрежет. Резкий, короткий звук затвора, снятого с направляющих пазов.

Стук. Глухой удар возвратной пружины, коснувшейся стола.

Каждая деталь ложилась строго на своё место. Как по линейке. От тяжёлого к легкому. Виктор открыл глаза, взял пропитанную маслом ветошь и принялся медленно протирать вороненую сталь. Резкий запах оружейной смазки заполнил комнату. Для Савельева это был единственный приятный запах – запах структуры, готовой к действию.

Что принесёт завтрашний день? Громов не простит рапорта по дизелю. Видимо, завтра начнётся медленное, планомерное уничтожение его как офицера. Бюрократическая машина округа провернёт свои шестерёнки, и его, скорее всего, вышвырнут из армии без права на восстановление. Четвёртое поколение военных закончится здесь, в Подмосковье, в безымянной части.

Но страха не было. Было странное, глубокое спокойствие камня, готового к обрушению скалы.

Виктор собрал пистолет обратно в полной темноте. Магазин зашёл в рукоятку, издав короткий, хищный щелчок. Капитан убрал оружие в сейф, разделся и лёг на жёсткую, натянутую как барабан кровать.

Уже засыпая, на самой границе между сном и явью, он уловил тонкий, едва заметный импульс Вселенной. Стрелка компаса на столе, который он забыл положить под подушку, вдруг коротко, отчётливо звякнула о латунный ободок, от удара невидимой волны. За окном на секунду наступила глубокая тишина, будто из мира разом выкачали все звуки. Электронные часы на тумбочке выдали короткий ложный писк и на мгновение погасли, прежде чем снова зажечь зелёные цифры.

Виктор накрыл ладонью старый армейский компас. Металл дрожал и казался невероятно тяжёлым. Вокруг стояла тишина одинокой холостяцкой квартиры. Его служба, рапорты, приказы полковника и бесконечные цифровые отчеты – всё, что капитан считал незыблемой скалой, вдруг показалось ему шатким карточным домиком. В нём не было настоящей опоры.

Компас не просто указывал на север – его стрелка дрожала, утягивая внимание Виктора сквозь линолеум, этажи панельки, асфальт, вниз – к настоящей, живой земле. Савельев открыл глаза. Каменная мимика осталась прежней, но на правой щеке едва заметно дёрнулся желвак. Он понял, что его слепая исполнительность больше не защитит его выжженную совесть от главного вопроса. Время автоматизма вышло. Ось ломается. Его личная война за то, чтобы снова стать человеком, а не машиной, только начинается. И компас прадеда уже выбрал для этого боя правильный курс. Капитан положил компас под подушку, медленно закрыл глаза и провалился в глубокий сон без сновидений.

Анна. Вечер.

Вечер в крошечной келье не приносил долгожданного облегчения. Анна вернулась в каморку за несколько минут до десяти вечера, когда монастырское подворье окончательно погрузилось в глухую тишину. Её личное пространство сузилось до размеров узкой железной койки с жёстким матрасом. Тело, просидевшее двенадцать часов за швейной машинкой, не чувствовало усталости – результат феноменальной выносливости, но пальцы горели и ныли от бесчисленных уколов швейной иглы. Эту тупую физическую боль она принимала с покорным облегчением, как плату за то, что её живое двадцатилетнее существование до сих пор смело продолжаться.

Анна лежала на спине, уставившись в серый, покрытый мелкими трещинами потолок. Она яростно давила в себе любые мысли о красивых платьях, о залитых солнцем улицах огромной Москвы, о которых днём шептались мирские девчонки у ворот, о мужчинах.

Послушница замуровала себя в этот склеп из страха греха так прочно, что весь её внутренний мир казался безжизненной, иссушенной пустыней. И всё же, когда дыхание становилось ровным, а ум успокаивался, она позволяла себе сокровенную, тайную слабость – мечтать.

Ей грезилось одно и то же виденье, уносившее её прочь от запаха машинного масла и криков Назарии. Она представляла, как стоит босыми ногами в быстром, прохладном, кристально чистом горном ручье. Ледяная вода смывает с кожи текстильную пыль, запёкшуюся кровь от уколов иглы и липкое, въевшееся под кожу ощущение постоянной вины.

Иногда в своих грёзах она видела незнакомого мужчину, за спиной которого стояла. От его силуэта исходили такие покой и уверенность, что Анна ясно ощущала – с ним она в полной безопасности. Этот человек не требовал от неё бесконечных молитв, не наказывал за плохой стежок, а просто хранил её право быть защищённой от страхов и угроз этого мира. Она пыталась представить его лицо: светлые у него волосы или тёмные? Любит ли он петь? За этими немудрёными девичьими фантазиями её всегда настигал сон.

Но в этот вечер мир вокруг вёл себя странно. За окном-щелью наступила глубокая, вакуумная тишина, из мегаполиса пропали звуки машин и человеческих голосов. Воздух в келье уплотнился, став похожим на тяжёлую, мокрую землю, стало трудно дышать.

Где-то на периферии слуха возник из тишины и тут же исчез глухой стук колёс проезжающего поезда. *Тук-тук*, *тук-тук*... Этот звук отозвался странной дрожью в полу под кроватью, через ножки ложа ушёл в тело Анны. Она ощутила слабую волну, пробежавшую по ногам, спине, и затихшую где-то глубоко внутри её головы.

В ту же секунду под воротником подрясника произошло странное. Маленький деревянный крестик, всегда бывший сухим, внезапно ожил. Он резко, ощутимо нагрелся, словно в него вернулась та самая молния из кубанского детства, и выдал короткую, мощную тепловую вибрацию прямо в грудь девушки.

Анна испуганно охнула и прижала ладонь к груди, накрывая раскалившийся деревянный брусок. Горячее дерево начало густо, осязаемо пахнуть гарью, дымом и настоящим, диким костром. Кожа на бледных щеках девушки вспыхнула пунцовым румянцем, а внутри, в районе сердца началось покалывание и жар. Её едва тлеющий внутренний огонь, скрытый под пеплом догм, среагировал на невидимый космический импульс. Анна неподвижно лежала в темноте с широко открытыми глазами.

Внутри девушки что-то безвозвратно изменилось. Страх, который годами заставлял её втягивать голову в плечи и безропотно сносить понукания, вдруг начал испаряться, превращаясь в чистый, сухой жар. Она подняла голову и впервые за три года посмотрела не в пол, а прямо в мутное полуподвальное окно, за которым снова шумел чужой, холодный город. Этот город больше не пугал её. Под пеплом её забитости проснулся живой огонь, который больше никто не сможет потушить.

Ровное, приятное тепло разливалось по всему телу. Ум и душа Ани ещё никогда не были в таком покое. Лёгкая улыбка появилась на спокойном лице девушки, и закрыв глаза, она сразу же провалилась в сон.

Вечер. Майя.

Вечер медленно наползал на общину «Зелёный Заслон», укутывая бревенчатые избы плотными, сизыми сумерками. Душный зной уходящего мая наконец-то начал отступать, сменяясь сырым туманом, который клочьями цеплялся за верхушки чёрного ельника и потемневший от дождей частокол. Внутри поселения не зажигались электрические фонари – общинники расходились по своим домам в наступающей темноте, ориентируясь по памяти и контурам тропинок.

Майя сидела на пороге, отложив очищенную корягу в сторону. В её лексиконе давно не существовало привычных для нормального человека слов. Она полностью исключила слова «минута», «время» или «план», заменив их вековыми понятиями: «сезон», «луна» и «укоренение». Каждому семени – свой час. Накануне она слышала, как двое молодых парней у колодца испуганно перешёптывались о грядущем глобальном обновлении Системы. Майя тогда лишь презрительно сощурив глаза, бросила им наставительно:

— Кремниевая плесень долго не живёт. Железо ржавеет, софт устаревает, а дерево стояло и стоять будет. Все ваши города из стекла и камня – это просто мёртвая листва на теле земли, земля сбросит этот хлам, и он сгниёт в почве, став удобрением для новых лесов.

Теперь, сидя в одиночестве, она перебирала в памяти эти слова, упиваясь своим статусом духовного отличника. Её ум был живой и активный, но заперт в искусственной безопасности лесной изоляции. Она была абсолютно уверена, что её мир чист и неуязвим.

Внезапно тишина вокруг избушки изменилась. Она не стала громче, она превратилась в абсолютную мёртвую пустоту. Цикады в траве оборвали свой стрекот на полуслове, замолкли

редкие птицы. Столетние ели тоже замерли, перестав качать ветвями, будто испуганно втянули в себя воздух.

Майя открыла глаза и опустила ладонь на влажный, холодный мох у самого порога. В ту же секунду через пальцы, прямо в руку, ударила странная, глубокая и вибрирующая судорога. Земля под общиной сделала короткий, судорожный вздох, заставив корни столетней ели едва слышно, утробно хрустнуть в глубине почвы.

Одновременно с этим дедовский нож, лежавший на деревянной доске рядом с ней, повел себя невероятно. Старый кованый клинок вдруг резко, ощутимо нагрелся сквозь кожаные ножны. Костяная рукоять из марала выдала короткую, мощную тепловую вибрацию, которая передалась в ладонь Майи, отозвавшись острой, колющей болью в груди.

Где-то едва уловимо, со стороны невидимой железной дороги, донёсся и тут же пропал глухой, мощный перекат колёс проезжающего поезда. *Тук-тук, тук-тук...*

Майя испуганно вскочила, прижав нож к груди. Щёки налились краской. Кожа лица и ладоней горела. Она подняла голову, всматриваясь сквозь густые кроны деревьев вверх, в чернеющее небо. Сквозь дымку проступали гроздья звёзд. На миг ей показалось, что эти далекие созвездия разом решили внимательно и пристально взглянуть именно на неё, прямо в эту секунду. Ум Майи замер в первобытном испуге. Но это длилось всего мгновение.

Только что было, и вот словно ничего и не произошло. Ночь вернулась в свои права, снова зашумели ветви, потянул прохладный ветерок, и птицы робко подали голоса. Девушка поёжилась от ночной сырости, зевнула и потёрла остывающие ладони об льняную рубаху.

— Может показалось? — тихо подумала она вслух. — Пойду-ка я спать.

Дрожь в земле утихла, унося с собой тревогу и страх. На смену им пришло глубокое спокойствие, Майе показалось, что земля, кричавшая от боли, наконец-то нашла того, кто её услышал, и на ум вдруг пришла мысль: эко-активизм, плакаты, её война с машинами – всё это было лишь детской обидой. Земле не нужны были её лозунги. Ей нужна была её сила. Её способность укореняться, пробивать камни и укрывать слабых своей кроной. Майя закрыла глаза, вдыхая густой запах ночного леса. Она больше не была одиночкой, бегущей от цивилизации. Она стала частью чего-то огромного, что прямо сейчас начинало стягивать свои силы к единому центру.

Майя шагнула через высокий порог избушки и закрыла за собой деревянную дверь, отсекая наползающий из леса сырой туман. Внутри каморки воцарилась непроглядная, бархатная темнота. Травница двигалась беззвучно, не зажигая лучины и ориентируясь исключительно по памяти тела. Ей не нужен был искусственный свет, который она считала признаком слабости и слепоты городских жителей. Каждое бревно, каждый угол этой маленькой избушки она знала наощупь.

Она развязала пеньковую верёвку на талии, сняла льняную рубаху и аккуратно повесила её на деревянный колышек у двери. Оставшись в одной длинной нижней сорочке, Майя легла на жёсткие деревянные нары. Вместо подушки под голову она положила валик, туго набитый сушёными травами – чабрецом, мятой и хмелем. Горьковатый, усыпляющий аромат луга мгновенно окутал её лицо, но привычного, глубокого успокоения не принёс. Подсознание продолжало работать, перемалывая события уходящего майского дня.

Перевернувшись на бок и подтягивая колени к груди, Майя положила руку под подушку. Её пальцы привычно накрыли прохладную костяную рукоять дедовского ножа. Оружие всегда лежало рядом, готовое к действию, словно стальной заслон между ней и остальным человечеством. На бледных губах девушки появилась холодная, высокомерная улыбка.

Её затихающий перед сном ум продолжал улавливать едва заметные аномалии. Ладонь, лежащая на кости марала, чувствовала, что она больше не остывает. Она сохраняла то странное, глубокое тепло, полученное во время судороги земли. В тишине избушки это ощущалось так, будто рядом с ней на нарах лежало живое, дышащее существо.

Майя сделала глубокий вдох, пытаясь выровнять пульс и замедлить дыхание, как она делала в лесу, когда сливалась с деревьями. Но эфир вокруг избушки оставался вязким, перегруженным до предела. Перед тем как окончательно провалиться в тяжёлое оцепенение сна, в её сознании вспыхнул образ: ей показалось, что корни старой ели за стеной не просто уходят в почву, а судорожно оплетают фундамент её дома, пытаясь удержать его на месте перед колоссальным, неизбежным сдвигом. Травница закрыла глаза, уходя в забвенье последней весенней ночи.

Алтай.

Олег с мамой сошли на безымянной станции посреди поля. От названия хутора осталась только буква Х, остальная краска облезла, а сам указатель накренился почти к самой земле. Был день, воздух – чистый и ароматный, заполнял собой всё пространство, он был прохладным и настолько чистым, что его хотелось пить, как родниковую воду. Алтай встретил их пронзительным, звенящим безмолвием, от которого после гудящего московского роя первые часы закладывало уши. Здесь, среди монументальных, покрытых вековыми кедрами хребтов, небо казалось огромным, вывернутым наизнанку куполом. В этом горном краю время не неслось сумасшедшим цифровым галопом. Оно замедлилось, укоренилось в гранитных скалах и текло размеренно, послушное лишь дыханию вечности и движению солнца от хребта к хребту.

Олег с мамой дошли до ближайшего хутора. Оказалось, он называется Чюя. Что это означает, Олег понятия не имел, но название ему понравилось. Тут ютилась пара десятков старых деревянных домов, на удивление крепких и ухоженных, небольшая школа, здание администрации, баня и магазин хозяйственных товаров. Людей на единственной улице было немного. Местные с любопытством поглядывали на новеньких. Олег зашёл в хозяйственный и купил лопату, топор, кирку, старую керосиновую лампу и строительные перчатки. По привычке он потянулся за смартфоном, но вовремя опомнился и достал из кармана бумажник. Улыбаясь чему-то про себя, он расплатился, забрал покупки и вышел из магазина.

Мария Ивановна сидела на лавочке в тени дерева и пристально изучала карту. Олег подошёл к ней.

— Сынок, кажется, я всё просчитала. Тут, оказывается, немножко дальше, чем я думала. Наш старый участок в десяти километрах от этого села. Зато почти по прямой, нигде петлять не надо.

— Это хорошо, мам. Есть или пить не хочешь?

— Давай, попью чуток. Посидим минут десять и пойдём.

Отдохнув, они вышли из села и направились в сторону леса и гор. Через пару километров они оказались в полной глуши. Никаких намеков на цивилизацию. Место дышало суровой, дикой гармонией: в трёхстах метрах внизу раскинулось колоссальное тёмное озеро, в котором как в зеркале отражались бегущие облака. Ещё через пару километров они уже шли по красивому лесу, деревья здесь были самые разнообразные, и, что интересно, не старые, они с удовольствием качали своими зелёными ветвями, словно приветствуя путников.

Вскоре показался и сам покосившийся домик, точнее то, что от него осталось. Фундамент дома вжался почти под отвесную скалу, казалось, он искал у горы защиты от бурь. Двор зарос травой, но зато посреди него под извилистым деревом стоял стол и лавочка, почти нетронутые временем. А недалеко от разрушенного крыльца чуть справа и вверх уходила узкая, протоптанная дикими зверями тропинка. Пройдя по ней всего метров тридцать, можно было упереться в трещину в сером гранитном валуне, откуда пробивался тонкий, ледяной ручеёк. Чистый родник. Вода еле-еле капала из трещины в камне и была кристально чистая. А как позже выяснили Олег с мамой – ещё и очень вкусная.

Джэк, словно одурев от чистого воздуха и простора, носился по двору. Столько всего нужно обнюхать, столько мест пометить. Боня же напротив, лениво и вальяжно огляделся по сторонам и скрылся в зарослях кустарника – отправился исследовать местность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.